

Виталий ВАВИКИН

**ЭТА КОРОТКАЯ
СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ**

@ЭЛИТА

18+

Виталий Вавикин

Эта короткая счастливая жизнь

Текст предоставлен издательством

Эта короткая счастливая жизнь: ЭИ «@элита»; Екатеринбург; 2014

Аннотация

Главный герой смертельно болен. Чтобы семья не видела его предсмертных страданий, он уходит на съёмную квартиру, где начинает слышать пение несуществующей женщины. Изучив архивы, он узнаёт, что в этой квартире семьдесят лет назад жила певица. Теперь он не только слышит её, но и видит. Но этого мало. Его тело умирает, и он хочет увидеть мир певицы перед смертью. Комната меняется, словно мир переносит его в прошлое.

Он выходит за дверь и оказывается в тридцатых годах двадцатого века, где болезнь отступает и, пока он не вернётся назад, он может жить. Но певице нужна помощь, нужны ответы, получить которые можно только в будущем – настоящем главного героя, где его поджидает смертельная болезнь...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвертая	14
Глава пятая	17
Глава шестая	20
Глава седьмая	24
Глава восьмая	27
Глава девятая	29
Глава десятая	31
Глава одиннадцатая	36
Глава двенадцатая	46
Глава тринадцатая	54
Глава четырнадцатая	63
Глава пятнадцатая	68
Глава шестнадцатая	75
Глава семнадцатая	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Виталий Вавикин

Эта короткая счастливая жизнь

© ЭИ «@элита» 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Горе тому, кто отдаёт своё сердце иллюзии – этой единственной реальности на земле, но горе и тому, кто этого не делает. Одного ждут разочарования и боль, другого запоздалые сожаления.

Теодор Драйзер «Титан»

Глава первая

Неудачный это был год. Тридцать второй и самый странный из всех предыдущих лет.

– Уверены, что ничего нельзя сделать? – спросил Майк Лаверн, вглядываясь в глаза седоволосого доктора. – Химия, облучение, операция наконец? – выслушал лекцию о мелко-клеточном раке лёгких, отдалённых метастазах в печени и костях. – Значит, совсем ничего? – получил брошюру о паллиативном лечении и вышел в тёплое июньское утро.

Город ветров проснулся, загудел, словно выброшенный на берег левиафан. Лаверн втиснулся в городской автобус транспортной администрации Чикаго, которая только начала собирать свою ежедневную жатву миллиона перевезённых пассажиров. Кажется, сегодня играли «Блэк Хоукс». По крайней мере свитеров с индейцем мелькало достаточно много.

Дождавшись очередной остановки, Лаверн вышел из автобуса. Купил пачку красного «Пэлл Мэлла» и долго сидел на скамейке в парке Ирвинга, не решаясь закурить...

– А какого теперь черта?! – он сорвал слюду и достал сигарету.

Густой дым приятно защекотал лёгкие. На третьей сигарете он позвонил Дански и сказал, что сегодня не придёт на работу. Добрался на метро до станции Дамен-Браун и даль-

ше, пешком, до своего дома на Север-Уолкотт-авеню.

Простоял четверть часа, вглядываясь в окна второго этажа, но так и не решился войти. Купил «Чикаго Требьюн» и выкурил ещё пару сигарет, читая колонку сдающегося в аренду жилья. Позвонил хозяину и договорился о встрече. Синтас протянул ему наманикюренную руку и спросил, что он думает о гомосексуалистах.

– Ничего не думаю, – Лаврен прошёл в комнату, осмотрел ванную и кухню.

– Надеюсь, вы опрятный, – сказал Синтас и долго говорил что-то о чистоте и порядке. Потом о бутиках и местных барах. О цветах и искусстве. Даже спросил у Лаверна, какой у него знак зодиака.

– Я всего лишь хочу снять комнату, а не взять тебя в жены, – улыбнулся Лаверн, заплатил за три месяца вперёд и закрылся в своей комнате. Позвонил домой и попросил жену позвать к телефону Кипа. – Ну, как ты чемпион?

– Сегодня хоккей, – обиженно напомнил сын.

– Как-нибудь в другой раз.

– Через год? – недовольно буркнул Кип. Джесс забрала у него трубку.

– Это и твой ребёнок! Помнишь?! Не заставляй меня искать ему нового отца, – она ещё что-то говорила, но Лаверн уже вешал трубку. Как это называется? Пытался он вспомнить. Кажется интервенционная терапия. Когда люди, которым ты дорог, пытаются встряхнуть тебя угрозами и крити-

кой.

– Как насчёт бокала вина? – предложил через дверь Синтас.

Они сели на кухне.

– Так, значит, ты фотограф?

Лаврен кивнул. Синтас наградил его внимательным взглядом и подметил, что если и фотограф, то явно не детский. Лаврен закурил. Синтас принёс кипу эротических журналов и попросил показать фотографии, которые он делал.

– Ненавижу порнографию, – говорил Синтас, разглядывая обнажённых брюнеток. – Настоящее уродство, но вот эротика – это искусство, – он отобрал пару фотографий и спросил, не может ли Лаврен сфотографировать и его. – Обещаю, если снимки получатся, то не возьму плату за первый месяц.

Лаврен посчитал оставшиеся деньги. Добрался на метро до студии в Даун-Тауне и сказал Дански, что забирает свои фотоаппараты. Почувствовал, как заболела грудь, и проглотил таблетку кодеина.

– Бросай ты это, – посоветовал Дански.

– Уже бросил, – Лаврен закурил и сообщил, что увольняется.

Глава вторая

– Ты никому не давал этот адрес? – спросил утром Синтас.

Лаверн поднялся с кровати и открыл дверь. Ухоженные руки с наманикюренными пальцами протянули ему пожелтевшее письмо.

– Это не моё, – буркнул Лаверн, прочитав адрес.

– И не моё, – Синтас пожал плечами и вскрыл конверт.

Листы были старыми, с ровным аккуратным почерком. Девушка писала матери, рассказывая о карьере певицы.

– Посмотри, – Синтас достал фотографию. Такую же старую и пожелтевшую. Блондинка, с причёской похожей на пуделя, лучезарно улыбалась, сверкая ярко-зелёными глазами. Синтас наградил Лаверна вопросительным взглядом. – Наверно, на почте ошиблись.

– Наверно, – Лаверн умылся, налил себе кофе, но не сделал ни одного глотка. – Пойду, заберу твои фотографии, – сказал он Синтасу.

Девушка в ателье прищурилась и сказала, что фотографии не получились.

– Как это?

– Не знаю, – она поджала губы и выложила на стол пакет. –

Сами посмотрите.

– Этого не может быть, – заверил её Лаверн, пролистав фотографии. – По крайней мере не моя вина.

– Ваша, – девушка подбоченилась. Опустила глаза на фотографию в руках Лаверна. Толстый и розовощёкий Синтас посылал кому-то воздушный поцелуй.

– Это просто работа, – буркнул Лаверн.

– Тогда ещё хуже, – она брезгливо взяла деньги.

Лаверн вернулся домой и осмотрел фотоаппарат. Сделал пару пробных снимков. Сел на кровать и открыл конверт с фотографиями Синтаса, надеясь найти хоть пару удачных. Ничего. Он перекладывал их, вглядываясь в мутные пятна, которые, подобно тесту Роршаха, складывались в воображении в причудливые лица. Или же не в воображении?

Лаверн остановился. Сквозь мутное пятно фотографии на него смотрели женские ярко-зелёные глаза. Белые кудрявые волосы были рассыпаны по плечам. Пухлые губы сложены бантиком.

Лаверн перевернул мусорное ведро. Отыскал письмо, которое пришло утром. Отыскал фотографию. Прочитал имя. Фанни Вудс. Певичка. Как она попала на его фотографии? Он протёр глаза, пытаясь вспомнить, сколько таблеток кодеина принял с утра. Ни одной. Вернулся в свою комнату. Сравнил девушку со старой фотографии и девушку на своих снимках. Снова протёр глаза. Закурил. Нет. Ошибки не было. Он вышел на улицу и сделал пару фотографий резвящихся на площадке детей. Отнёс в студию. Сделал срочный заказ на проявление. Просмотрел и выбросил в урну. Пятен не было. Фотоаппарат работал исправно. Вернувшись домой,

Лаверн сфотографировал всю квартиру.

– Сегодня проявить не успеем, – сказала ему девушка, наградив подозрительным взглядом.

– Тогда завтра, – Лаверн попытался улыбнуться, но она демонстративно отвернулась.

Он вышел из ателье и бездумно бродил по улицам до позднего вечера, стараясь не думать о болящей груди.

Глава третья

Письма стали приходить каждую неделю. Письма девушке, проявлявшейся на всех фотографиях, которые Лаверн делал в своей новой квартире. Старые и пожелтевшие. Лаверн просыпался рано утром и забирал их, не желая ничего объяснять Синтасу. Затем ходил по квартире и бездумно делал фотографии. Кто-то жил здесь. Жил, словно в другом измерении.

Лаверн начертил схему квартиры. Обозначил, где стоит стол, где кровать. Белье менялось. Посуда мылась. На столе появлялась еда. Но девушку сфотографировать удавалось крайне редко. «Может быть, она ходит на работу?» – подумал Лаверн и сам испугался своих мыслей. Что это? Он спятил? Ходит на работу! Да вы только послушайте его!

Он дождался ночи и, отключив вспышку, сделал несколько десятков фотографий. Ничего. На следующий день он повторил это, но на час раньше. Ничего. Значит, она возвращалась позднее. Лаверн снова рассмеялся, но остановиться не смог. Он фотографировал и фотографировал, дожидаясь, когда придёт новое письмо. Одинокая. Усталая. Приходившие ей письма, были другими. Десятки людей, которые писали ей, словно никогда не знали её. Для них она была обворожительная и желанная.

– Ещё не устали? – спросила его девушка в ателье.

Лаверн улыбнулся и пожал плечами. Забрал фотографии и закрывшись в своей комнате, открыл конверт. Сердце бешено забило в груди, когда он увидел знакомое лицо. Усталое и заплаканное. Лаверн прикоснулся к нему пальцами. Не к женщине. Нет. Он прикасался к тайне, которая пришла к нему, сделав своим рабом.

На какое-то мгновение ему показалось, что он слышит тихие всхлипы. Вышел из комнаты. На кухне никого не было, но всхлипы не прекратились. Кто-то сидел за столом. Лаверн взял фотоаппарат и сделал дюжину снимков. Проявил утром и увидел Фанни. Она сидела за столом, положив голову на сложенные руки. Белые волосы были растрёпаны. Платье на плече разорвано.

Лаверн смотрел на стол, смотрел на фотографию и не мог поверить, что это происходит с ним. Но теперь он знал её голос. Даже не голос, а тихие всхлипы.

Взяв фотоаппарат, он устроился на кухне и стал ждать. В начале двенадцатого хлопнула входная дверь. Лаверн сделал несколько фотографий. Прислушался. Каблуки простукали где-то совсем рядом. Он снова нажал на спуск. Услышал, как в ванной включили воду. Постоял, не решаясь войти, но под итог открыл дверь и сделал несколько снимков. Где-то за спиной зашуршала одежда. Лаверн подошёл, сфотографировал. Почувствовал запах пудры и крема. Почувствовал запах поджариваемых яиц. Навёл объектив на плиту. Услышал звон посуды. Почувствовал запах сигарет. Про-

шёл вслед за шагами в спальню. Отключил вспышку и сфотографировал кровать, молясь, чтобы Синтас не проснулся.

– Вы что, больной? – спросила его девушка в ателье.

Он не ответил. Забрал конверт с фотографиями и, купив две пачки сигарет, пошёл в парк. Выбрав скамейку под старым вязом, он закурил. Конверт лежал у него на коленях. Жизнь, которую он вчера слышал. Жизнь, запаха которой он вчера вдыхал. Лаверн достал фотографии. И жизнь, которую он сегодня может увидеть.

Глава четвертая

Сон. А в том, что это сон, Лаверн не сомневался ни на секунду. Фанни пела на сцене. Пела без слов. Мужчины за столиками курили. Синий дым окутывал бар, затягивал его пеленой.

– Ещё пива? – спросила официантка.

Лаврен кивнул. Сделал глоток и сплюнул обратно в кружку. Никакого вкуса. Никакого запаха. Он достал сигарету без фильтра и закурил. Светловолосый пианист сфальшивил, сжал в зубах сигарету и закрыл глаза. Фанни поклонилась. Среднего роста, в красном платье с глубоким декольте и открытой спиной, вырез на которой доходил до копчика. Она ещё раз поклонилась. На этот раз вместе с пианистом. Толпа загудела. Под овации они спустились со сцены. Лаверн поднялся на ноги. Пошёл следом.

– Эй! – остановил его высокий негр.

Лаверн посмотрел снизу вверх. Попытался оттолкнуть.

– Эй! – негр толкнул его в грудь.

Лаверн увидел, как обернулась Фанни. На какое-то мгновение их взгляды встретились. Сон распался.

Лаверн поднялся с кровати и закурил. Где-то далеко тихо плакала Фанни. Он взял фотоаппарат и вышел на кухню. Услышал стук в дверь. Вздрогнул. Пошёл открывать. На пороге никого не было. Лаверн вернулся на кухню. Прислу-

шался. В ванной спустили воду. Хлопнула дверь. Босые ноги прошлёпали к выходу. Звякнули ключи.

– Что ты здесь делаешь?

– Ничего.

– Ты не должен приходить.

Лаверн нажал на спуск.

– Я соскучился, – голос был детским.

Лаверн сделал ещё одну фотографию.

– Я говорила тебе не приходить сюда?

– Но...

– Говорила?

Лаверн снова нажал на спуск. Услышал, как шуршит одежда.

– Ты не можешь остаться.

Кто-то вынул из двери ключи.

– Я отвезу тебя назад.

Хлопнула дверь.

Лаверн прислушался. Нет. Ничего. Только тишина. Он вернулся в свою комнату, но не смог заснуть. Проверил утром почту и пошёл в ателье.

– Любите её? – спросила девушка, возвращая фотографии.

– Люблю? – Лаверн покачал головой. – Скорее пытаюсь понять.

Он разорвал конверт и посмотрел на сделанные ночью снимки. Спазмы в животе напомнили о том, что пора при-

нять кодеин, но Лаверн хотел оставаться в здравом рассудке. Он смотрел на фотографии и пытался вспомнить прочитанные письма. Чернокожий мальчишка лет шести смотрел на него живыми тёмными, как ночь, глазами. Почему ни в одном из писем он не читал о нём? Почему, если он её сын, то не живёт вместе с ней? Лаверн снова поймал себя на мысли, что считает эту жизнь такой же реальной, как и ту, что окружает его сейчас.

– Выглядишь ты сегодня неважно, – подметил Синтас, за- жаривая на кухне омлет.

Лаверн кивнул и посмотрел на дверь.

– Я, пожалуй, посплю, – сказал он.

Завёл будильник на одиннадцать и заставил себя не обра- щать внимания на непрекращающиеся спазмы. Лёг в кро- вать и вспомнил сон. Может быть, он повторится? Но снов не было.

Глава пятая

Ночь. Лаверн сидел на кухне, прислушиваясь к шорохам. Время перешагнуло за полночь, но он ничего не слышал. «Может, она осталась на ночь в другом месте? – думал он. – Может, придёт завтра?» Но и на следующий день ничего не изменилось. Лаверн взял фотоаппарат и сделал пару снимков. Дождлся утра и побежал в ателье. Нет. Ничего не изменилось. Другая жизнь была здесь, рядом с ним. Стол, стулья, раковина, кровать. Не было только Фанни.

Лаверн дождался вечера. Он фотографировал квартиру каждые четверть часа, делая по несколько фотографий. Но Фанни на них так и не оказалось. Она ушла, забрав с собой очарование, помогающее ему отвлечься от своей жизни. Не было даже снов. Лаверн сидел ночами на кухне и смотрел на входную дверь. Может быть, она переехала? Кровавый кашель напомнил ему, что он умирает. Грудь заболела так сильно, что перед глазами поплыли чёрные круги.

Лаверн лёг в кровать и попытался заснуть. Закрыв глаза. Услышал, как хлопнула входная дверь. Вскочил на ноги. Увидел вернувшегося с ночного свидания Синтаса. Закурил. Взял стопку сделанных фотографий. Тайна рассыпалась, как сон. Он сделал, наудачу, несколько снимков. Проявил. Ничего не увидел. Вернулся домой и позвонил Джесс. Услышал её голос. Почувствовал запах бекона. Бросил трубку и побе-

жал на кухню. Никого. Лишь запах. И тихий голос. Чудный, льющийся, тихо напевавший какую-то песню.

Лаверн взял в дрожащие руки фотоаппарат и сделал несколько снимков. Оделся. Почти бегом добрался до ателье. Выкурил пачку сигарет, дожидаясь, когда фотографии будут готовы.

– С вами всё в порядке? – спросила его девушка.

Он разорвал пакет. Увидел Фанни.

– Она вернулась!

– Кто?

– Неважно, – он качнул головой и попытался улыбнуться.

Вернулся домой. Вернулся, зная, что туда вернулась жизнь. Вернулась вместе с хозяйкой.

– Я всего лишь навестила мать! – голос Фанни был тихим и подавленным.

Лаверн вздрогнул, услышав звук пощёчины.

– Я не твоя собственность.

Ещё одна пощёчина.

– Не твоя.

Ещё одна. И уже сломленно:

– Не надо.

– Смазливая юбка, – мужской голос был тихий и свистящий. – Хочешь потерять всё, что у нас есть?

– Но я же вернулась.

– Надо было предупредить.

– Ты бы не отпустил меня.

– Верно...

Лаверн услышал, как звякнула пряжка ремня.

– Ну почему ты понимаешь только это?

– Послушай, Брюстер...

– Встань на колени и подними подол.

– Я больше не уеду.

– Я знаю.

Лаверн вздрогнул, услышав свист ветра и хлопок.

– Не надо, – ещё один хлопок.

– Кому ты принадлежишь?

Лаверн вздрагивал снова и снова.

– Кому ты принадлежишь?

– Тебе.

Удары не прекратились.

– Тебе! Тебе! Тебе! – Фанни заревела. – Пожалуйста! Хва-

тит! Не надо больше.

Глава шестая

– Что с тобой? – спросил Синтас. Он подошёл к Лаверну и тронул его за плечо. – Эй?

– Мне нужно в библиотеку.

– Что?

– Книги, интернет, – Лаверн двигался в какой-то прострации. Собирал письма, которые пришли за последние два месяца, одевался.

Он ввёл в поисковике имя Фанни Вудс. Ничего. Вошёл в архив «Чикаго Требьюн» и повторил попытку. Нашлись шесть заметок. С 1930 по 1932 год. Три из них принадлежали рекламе бара Гарри Дювейна с вечерней программой воскресного дня и перечнем приглашённых гостей, одной из которых была Фанни. Ещё одна статья рассказывала о популярных певицах. Лаверн открыл чёрно-белую фотографию и долго вглядывался в знакомое лицо. Оставались ещё две статьи. Первая из них была короткой: «Пропала местная певица Фанни Вудс». Вторая ещё короче: «Поиски певицы продолжаются».

Лаверн попытался просмотреть некрологи, начиная с 1932 года, но их было слишком много и терпения у него хватило только на полгода. Он распечатал найденные заметки, сходил в ателье и вернулся домой.

– В следующий раз я вызову полицию, – пообещала ему

девушка, отдав фотографии.

Лаверн закрылся в своей комнате и открыл конверт. Ремень Брюстера оставил широкие красные полосы на бледных ягодицах. Его лицо было покрыто шрамами от оспы. Волосы светлые. Губы поджаты. В голубых глазах пустота.

«Кому ты принадлежишь?»

«Тебе!»

«Почему она не уйдёт от него?» – подумал Лаверн, вглядываясь в зелёные глаза Фанни. Оживился, рассыпал на полу сотни сделанных фотографий. Отыскал ту, на которой был стол. Посмотрел на газету. 18 июня 1932 года. Перечитал сделанные в библиотеке распечатки. Фанни пропала 7 января 1933. Сейчас начинался август, значит, осталось пять месяцев. Лаверн лёг на кровать. Закурил. Закрыв глаза. Она умрёт вместе с ним. Фанни Вудс. Его тайна. Его жизнь. Умрёт, и он ничего не сможет сделать. Лаверн вспомнил Брюстера.

«Я не твоя собственность!»

Что это, любовь?

«Смазливая юбка. Хочешь потерять всё, что у нас есть?»

Нет. Лаверн грустно улыбнулся. Вспомнил чернокожего мальчишку.

«Ты не должен был приходить».

«Я соскучился».

Лаверн позвонил Чипу, но, услышав голос Джесс, повесил трубку. Голова закружилась. Дыхание перехватило. Боль в

груди стала невыносимой. Лаверн повернулся на бок и попытался заснуть, настырно отказываясь принимать обезболивающие. Тьма затопила сознание. Ненавистная, но спасительная тьма.

Лаверн зашёлся кашлем. Открыл глаза. Посмотрел на часы. Была почти полночь. Он поднялся на ноги и взял фотоаппарат. Сон вернул силы, но боль осталась. Лаверн сидел на кухне и прислушивался к тишине. Ничего. Никто не приходил. Никто не напевал, готовя себе ужин. Лаверн смотрел на дверь, вспоминая, как она выглядит на фотографиях. Дверь в прошлое. Дверь в мир Фанни Вудс. Дверь... Боль выдавила из глаз слёзы. На какое-то мгновение Лаверну показалось, что очертания двери изменились. Нет. Ему нужно принять таблетки, пока боль не свела его с ума.

Лаверн прошёл в ванную и умылся. Запах сырости врезался в ноздри. «Нужно будет завтра сказать Синтасу, чтобы вызвал сантехника», – подумал он. Вернулся на кухню. Запах сырости не исчез, но теперь к нему добавился запах бекона. Тонкий, едва уловимый. И запах духов. Что-то сладкое и цветочное. И запах пудры.

Лаверн заглянул в комнату Синтаса. Хозяина не было. Подошёл к тумбочке возле зеркала. Взял флакон одеколona. Нет. Запах был другим. Лаверн вернулся на кухню и снова посмотрел на входную дверь. Она изменилась. Постарела. Лаверн повернул ручку. Заперто. Толкнул дверь плечом. Затрещали замки. Слабость снова начала подчинять себе те-

ло. Лаверн собрал все оставшиеся силы и повторил попытку.
Дверь распахнулась. Старая дверь. Дверь в мир Фанни Вудс.

Глава седьмая

Боль отступает. Растворяется. Остаются лишь саднящие ладони. Лаврен поднимается на ноги. Отряхивается. Смотрит по сторонам. Чёрный «Паккард» тарахтит по улице. Пузатое такси с надписью «Еллоу кэб кор» на жёлтой двери стоит под фонарным столбом.

– Эй, шеф! – Лаверн вглядывается в лицо водителя. Хочет спросить, какой сейчас год, но не спрашивает. Он и так это знает. Не понимает, как такое могло случиться, но знает, что стал частью этого. – Бар Гарри Дювейна, – говорит он, забираясь в машину. Смотрит на мелькающие за окном улицы, по которым он ходил каждый день, но сейчас почти не узнаёт.

– Приехали, – ворчит водитель.

Лаверн протягивает ему десятку. Десятку из своего времени. Нервничает. Дёргает ручку, пытаясь открыть дверь. Смотрит, как уезжает такси, стучит в обитую железом дверь под вывеской «Бар Дювейна». Видит, как открывается окошко. Голубые глаза окидывают его внимательным взглядом.

– Проваливай! – окошко закрывается.

Лаверн стоит, пытаясь собраться с мыслями. Что дальше? Он закуривает. Ждёт, прижавшись к холодной стене. Сигареты кончаются.

Фанни выходит спустя час. Та самая Фанни, которую он

видел на своих снимках, но совсем не грустная. Наоборот. Она улыбается. Кокетничает. Мужчина с чёрными сальными волосами открывает ей дверь «Линкольна». Лаверн смотрит, как они уезжают. Пытается поймать такси, но такси нет. Идёт назад. Пытается вспомнить дорогу до дома Фанни Вудс. Пытается вспомнить дорогу до дома, где живёт он сам, но спустя шестьдесят пять лет. Останавливается. Видит чёрный «Линкольн», на котором уехала Фанни. Взбирается по пожарной лестнице к единственному освещённому окну. Слышит голос Фанни. Видит её обнажённое тело. Она лежит на кровати, протягивая руки к прыщавому подростку лет шестнадцати.

– Ну, же, – говорит она. – Не бойся.

Её ноги призывно раздвинуты, обнажая треугольник светлых волос. – Я же нравлюсь тебе?

Подросток кивает.

– Так обними меня.

Лаверн отворачивается. Тёмное небо нависает над городом. Укрывает его. За незакрытым окном слышно, как шуршит одежда.

– Как ты быстро, – говорит Фанни.

Подросток шепчет бессвязные извинения.

– Всё хорошо, – уверяет она.

Хлопает дверь. Фанни одевается.

– Ну, как тебе мой сын? – спрашивает мужской голос.

– Научится.

Звук пощёчины заставляет Лаверна вздрогнуть.

– Я имею в виду... – ещё одна пощёчина. – Он был хорош.

Фанни стоит на коленях, опустив голову.

– И никак иначе, – мужчина с чёрными сальными волосами помогает ей подняться.

Бледные женские щеки горят, но слёз нет. Лаверн смотрит на неё, чувствуя, как какая-то странная немота сковывает все мысли.

– Эй! Эй, ты! – кричит ему мужчина.

Сильные руки хватают его за отворот рубашки. Втаскивают в открытое окно. Мир вздрагивает. Из разбитого носа течёт кровь. Ещё один удар, и действительность ускользает, оставляя Лаверна в кромешной темноте.

Глава восьмая

– Кто ты? – спрашивает Дювейн, вглядываясь в серые глаза Лаверна. Оборачивается к Фанни. – Ты его знаешь?

Она качает головой. Лаверн пробует освободить связанные за спинкой стула руки.

– Тебя послал Анхел?

– Анхел? – Лаверн встряхивает головой, пытаюсь вспомнить. – Я не знаю никакого Анхела.

– Значит, Вольферт? – Дювейн закуривает. – Как твоё имя?

– Майк. Майк Лаврен.

– И где же твоё оружие, Лаврен? Как ты хотел убить меня?

– Я не хотел убивать тебя.

– Вот как?

– Я пришёл к ней, – Лаверн взглядом показывает на Фанни.

– К ней? – Дювейн снова оборачивается. – Ты же сказала, что не знаешь его.

– Не знаю, – Фанни решительно качает головой.

– Значит, Вольферт, – задумчиво говорит Дювейн. Смотрит на Лаверна. – Кто ещё был с тобой?

– Да не знаю я никакого Вольферта! – Лаверн чувствует, как чьи-то руки ложатся ему на плечи. – Фанни!

Пустота уступает место панике. Удавка сжимается на шее.

– Я видел твоего ребёнка! Видел, что сделал Брюстер! – он хрипит, отчаянно подбирая слова. Кровавая пелена застилает глаза. – И я знаю, что ты не доживёшь до следующего лета, если не уедешь отсюда!

– Что?

– Пожалуйста!

– И ты всё ещё говоришь, что не знаешь его? – спрашивает Дювейн Фанни.

– Я...

– Скажи ему! – Лаверн задыхается.

– Фанни?

– Он...

– Так ты его знаешь?

– Да, Гарри.

– Чёрт. Отпусти его, Чэт!

Глава девятая

Они едут молча. Лишь Чэт за рулём чёрного «Линкольна» изредка поглядывает на них в зеркало заднего вида.

– Теперь скажи мне, кто ты? – спрашивает Фанни, когда они выходят из машины.

– Долгая история, – Лаверн потирает болящее горло. – Спасибо, что спасла меня.

– Откуда ты столько знаешь обо мне?

– Видел.

– Видел? – она презрительно поджимает губы. – Ты что следишь за мной?

– Не совсем, – Лаверн смотрит на выбитую дверь.

– А о моем ребёнке кто тебе рассказал?

– Никто.

– Ты знал Персибала?

– Это отец?

– Чёрт! Парень, да кто ты такой? – Фанни нервно роется в своей сумке. Достает ключи. Смотрит на дверь. – Это ты сделал?

– Что?

– Выбил эту чёртову дверь!

– Я не хотел.

– Не хотел?! – Фанни настороженно оглядывается по сторонам. – Знаешь, что? Зря я соврала Гарри, – она спешно

открывает дверь, пытаясь закрыться изнутри.

– Подожди! – Лаверн проскальзывает следом за ней. Хватает за руку, но чувствует, как пальцы сжимают пустоту.

– Какого... – слышит он голос Фанни, но вокруг лишь знакомая квартира Синтаса. – Куда ты делся?

– Я здесь.

– Эй!

Лаверн слышит, как Фанни снова выходит на улицу. Оборачивается. Старая дверь всё ещё ждёт. Дверь в его тайну, внезапно утратившую очарование.

– Майк? Тебя, кажется, так зовут?

Боль в груди снова напоминает о себе. Спазмы скручивают живот. Кашель наполняет рот кровью. Ноги подгибаются. Лаверн падает, упираясь руками в незакрытую дверь.

– Как ты это сделал?! – Фанни смотрит на него сверху вниз.

Боли нет. Лишь немного першит в горле после удавки Чэта. Лаверн поднимается. Смотрит на дверь, сквозь которую только что прошёл.

– Эй! – Фанни трогает его за плечо. – Да кто ты такой, чёрт возьми?!

Глава десятая

Они идут вниз по улице, под рядом не горящих фонарей. Фанни молчит. Тёплый ветер взбивает её сливочные волосы. «Ты странный, Майк. Очень странный», – думает она, иско-са поглядывая на нового знакомого. Серый мир становится более сочным. Более красочным. Мир притворства и лжи. Мир вечного праздника и вечных слез.

– Боишься меня? – спрашивает Лаверн. Фанни пожимает плечами. – Не бойся.

– Я видела вещи и похуже, – она вглядывается вдаль. – Расскажи мне о том, как здесь всё будет.

– Зачем тебе?

– Просто.

– Всё изменится.

– А бар Дювейна?

– Его не станет.

Майк смотрит на неё, ожидая ещё вопросов, но вопросов нет. «Почему она не спрашивает о себе?» – думает он. Вспоминает мальчика в квартире Дювейна. Вспоминает Брюстера.

– Майра странная женщина, – предупреждает его Фанни. – Необычная.

– Твой сын жил у неё?

– Нет, – напряжённая маска скрывает лицо Фанни.

– Могу я спросить?

– Нет, – Фанни награждает его гневным взглядом. Образ отца проступает в памяти сквозь пелену лет. Высокий, чернокожий. Он приехал из Нового Орлеана, чтобы играть в Чикаго джаз. – Мне было восемнадцать, – говорит Фанни...

Где-то в глубине сознания играет пианино. Чёрные пальцы Персибала порхают над клавишами. Он выступает в одном из тихих баров. Фанни убирает со столов. Даже не Фанни. Ещё не Фанни. Фелиция Раймонд. Невысокая. Без косметики и шарма. В переднике и сальными волосами, собранными в пучок. Никто не замечает её. Никто не обращает внимания. Она живёт в небольшой комнате под крышей старого дома. Получает семь долларов в неделю и ещё на что-то надеется.

Никто не пишет ей и не зовёт домой, в маленький южный город, откуда Фелиция сбежала без оглядки, как только один из заезжих музыкантов сказал, что у неё хороший голос. Кажется, его звали Джо, или Джон, или Джейк... Фелиция не помнит. Он увёз её, усадив в пыльный «Форд», обещая райские гущи. Молодая и свежая. Она смотрела на него, представляя все те прелести большого города, рассказами о которых он очаровал её. Высокий, худой, лет тридцати, с гладко выбритым подбородком и тоненькой полоской чёрных усов.

Они ехали целый день, остановившись на ночь в дешёвом мотеле, посреди пыльной дороги, ведущей, казалось, в никуда. Фелиция вошла в номер и, поджав губы, посмотрела

на единственную кровать. Прочитала ли мать записку, оставленную на столе? Рассказала ли отцу? Джо-Джон-Джейк извлёк из саквояжа бутылку бренди и предложил ей выпить. Фелиция отказалась. Он налил себе, сжал в ладони стакан и закурил. У него был глубокий мелодичный голос.

В номере находились лишь стол, стул и кровать, поэтому Фелиция предпочла стоять, так как единственный стул занимал новый знакомый. Потягивая бренди, он рассказывал о жизни в Чикаго, и о том, что ждёт там молодую девушку с таким божественным голосом. Фелиция молчала, искоса поглядывая на кровать.

– Не бойся, – Джо-Джон-Джейк обнял её за плечи и притянул к себе. – Красота и ум открывают многие двери, – он заглянул васильковыми глазами в её зелёные глаза. – Будешь умницей, и я научу тебя жить, – первый в жизни поцелуй показался Фелиции грязным и каким-то безысходным.

Она не сопротивлялась. Стояла, чувствуя губы Джо-Джона-Джейка на своих губах. Чувствуя его дыхание. Бренди и сигареты. Резкий и кислый запах. Фелиция закрыла глаза. В романах всё было иначе. Джо-Джон-Джейк отпрянул назад и сказал, что так дело не пойдёт.

– Что? – растерялась Фелиция.

– А ты как хотела?

– Не знаю, – Фелиция снова искоса посмотрела на кровать.

– Именно так, – скривился Джо-Джон-Джейк. Он смяг-

чился и осторожно убрал пару непослушных локонов с её лица. – Красота – это магнит. Понимаешь?

Фелиция молчала.

– Твой голос – это талант, но нужно иметь что-то ещё. Что-то, что можно дать взамен на доверие, – он улыбнулся и протянул ей стакан бренди. – Выпей. Это поможет тебе расслабиться.

– Я не хочу.

– Так надо, – он снова обнял её. Притянул за талию к себе. – Пей.

Фелиция отрицательно покачала головой.

– Я сказал: пей! – его крик заставил её сжаться.

– Пожалуйста, отпусти меня.

– Хочешь вернуться домой? – он вложил в её руку стакан. – Решай, – васильковые глаза снова упёрлись в неё взглядом.

Бренди обожгло губы.

– Я не могу, – Фелиция закрыла глаза. Сделала ещё глоток.

– Тебе нечего бояться, – заверил её Джо-Джон-Джейк.

Он снова поцеловал её. Сжал в объятиях. На какое-то мгновение Фелиции удалось отвлечься. Удалось ни о чём не думать.

– Вот так уже лучше, – похвалил её Джо-Джон-Джейк.

Эти слова вернули Фелицию в реальность. Она снова посмотрела на кровать, и отвращение к самой себе стало на-

столько сильным, что выпитое бренди начало проситься обратно.

– Я не могу, – прошептала она одними губами.

– Просто расслабься.

– Нет! – она оттолкнула Джо-Джона-Джейка от себя. Выронила стакан, услышав звон бьющегося стекла.

– Ну, и чёрт с тобой! – потерял он терпение, выталкивая её из номера.

Дверь захлопнулась. Белая луна медленно ползла по звёздному небу. Ночь выдалась холодной, и Фелиция начала дрожать. Она сидела на скамейке вдали от мотеля и думала о том, что утром вернётся домой. Что скажет ей мать? Что скажет отец? Что скажет сестра? И что скажет им она?

Фелиция вздохнула и попыталась вспомнить, сколько часов потребовалось, чтобы доехать сюда. Страх выдавил из глаз слёзы. Как же она вернётся назад? Захотелось пойти в номер к Джо-Джону-Джейку и попросить, чтобы он отвёз её домой. Она решительно поднялась на ноги, но тут вспомнила кровать, вспомнила его поцелуи и решила, что лучше пойдёт пешком, чем попросит его об одолжении.

Глава одиннадцатая

Когда наступило утро, Джо-Джон-Джейк уехал. «Форд» поднял клубы пыли и скрылся за поворотом. Фелиция пошла к управляющему и спросила, далеко ли до Хайфилдса.

– Хайфилдс? – управляющий удивлённо поднял бровь. – Никогда не слышал о таком.

– Это маленький город, – Фелиция смутилась, почувствовав себя крайне неуютно под этим старческим взглядом.

– У вас, кажется, был кавалер? – спросил управляющий.

Фелиция покраснела. Старческий осудительный взгляд напомнил об отце, отбивая всякое желание возвращаться домой. Фелиция прикусила губу. Если бы только можно было вернуть всё назад. Остаться дома и никуда не уезжать.

– Может быть, вам нужна работа? – осторожно предложил управляющий.

– Работа? – Фелиция наморщила лоб. Вспомнила Джо-Джона-Джейка. Вспомнила оставшийся дом. Чего она боится больше? Возвращаться назад или идти вперёд?

– Вы ведь куда-то ехали. Не так ли? – управляющий добродушно улыбнулся, помогая принять решение.

Его жена, пожилая, разбитая артритом миссис Хайнц взяла Фелицию под руку и отвела в комнату.

– Нам давно нужно было нанять помощницу, – ворковала она, разглаживая белые простыни на крохотной кровати.

Фелиция молчала, выдавливая скудные улыбки.

– Будешь жить здесь, а вечерами убирать свободные комнаты, – миссис Хайнц наградила её серьёзным взглядом. – Если будет желание, то я могу научить тебя готовить. Ты ведь не умеешь готовить?

– Нет.

– Ну, вот видишь. А женщина должна уметь готовить, – она обняла Фелицию. – Я родила пять дочерей и, поверь, ни один из их мужей не смог упрекнуть их ни в чём, что требуется от женщины.

Взяв необходимые принадлежности, Фелиция пошла убираться в освободившихся номерах. Номер, где они останавливались с Джо-Джоном-Дейком, она оставила напоследок. Кровать напоминала о случившемся и вызывала тошноту. Фелиция собрала простыни и отнесла их в прачечную. Казалось, от них пахнет её знакомым.

Фелиция разогрела воду и принялась за стирку. Миссис Хайнц сначала помогала ей, давая советы, затем отпустила пару одобрительных реплик и ушла готовить обед. Хлорка разъела кожу, и руки болели так сильно, что Фелиции едва не рыдала, а справиться удалось лишь с половиной белья. В памяти снова всплыло лицо Джо-Джона-Джейка. «Твой голос – это талант, но нужно иметь что-то ещё». Кажется, так он говорил? Фелиция собрала в пучок волосы и вернулась к стирке.

Уборка в номерах, которой она занялась после обеда, по-

казалась менее мучительной. Постояльцы приезжали и уезжали, оставляя пыль, недоеденную пищу и свои запахи. День за днём Фелиция наблюдала за ними, не запоминая ни одного лица. Даже сын управляющего, высокий, долговязый, примерно одного с ней возраста, был не более чем копной спутанных светлых волос. Таким она запомнила его. Ну, может быть, ещё его голос. Сухой и осипший. Она видела его за столом, заставляя себя улыбаться не смешным шуткам.

На третьей неделе она увидела пыльный «Форд», и с каким-то странным чувством, подумала, что это может быть её старый знакомый. Громко смеясь, из машины вышли две женщины. Старше Фелиции, но ещё в соку. Их спутники не понравились Фелиции. Они напомнили Джо-Джона-Джейка.

Закончив с уборкой, Фелиция поужинала и легла спать. Проворочавшись около часа, она поднялась и подошла к окну. В номере, где остановились новые постояльцы, горел свет. Окна были открыты, и Фелиция слышала громкий женский смех. Стирают ли они белье? Учатся ли готовить?

Фелиция вышла на улицу и прокралась к открытым окнам. Оказаться на их месте сразу расхотелось. Вот, значит, чего хотел от неё Джо-Джон-Джейк! Фелиция собиралась уйти, когда одна из полуобнажённых девушек подхватила звучащую из патефона песню. Голос очаровал и растрогал Фелицию. Сможет ли она спеть так же? Она снова вспомнила Джо-Джона-Джейка и заглянула в окно. Может быть, он прав, и кроме голоса нужно иметь что-то ещё?

Голос поющей девушки прервался, утонув в поцелуе. Губы Фелиции пересохли. Дыхание перехватило. Поцелуй оказался страстным и нежным одновременно. В памяти всплыли запахи, чувства, пережитые, когда её целовал Джо-Джон-Джейк. Нет. Девушка за окном явно получала от этого удовольствие. Фелиция опустила глаза к её полной груди, невольно сравнивая со своей. Неужели её знакомый был прав, и красота способна открыть многие двери?

Девушка засмеялась, позволяя мужчине уложить себя на кровать. Фелиция задержала дыхание. Бледные щеки залил румянец. «Господи, как же это отвратительно!» – думала она, продолжая смотреть. Девушка за окном ахнула и прижала к себе мужчину. Дикие животные гримасы обезобразили их лица. Фелиция развернулась и побежала прочь. Виски пульсировали, щеки горели. Она споткнулась и упала, разодрав о щепень колени. Боль протрезвила.

– Эй! – позвал её сын управляющего.

– Тони? – она поднялась на ноги, поправляя волосы и одёргивая юбку.

– Ты что, ходила подглядывать?

– Я? Нет! Что ты! – Фелиция чувствовала, как по ногам из ссадин течёт кровь, как горят щеки.

– Я видел, – упрямо сказал Тони. Где-то далеко снова раздался женский смех. – Видела, чем они занимаются?

– Это... это... это отвратительно! – выкрикнула Фелиция, считая, что так может оправдать свой поступок.

– Я видел и хуже, – Тони улыбнулся и показал на её ноги. –

У тебя кровь.

– Что?

– Ты, наверно, разодрала колени, когда упала.

– Я... – Фелиция наклонилась, и согласно кивнула. – Да.

Наверно.

– Пойдём, – Тони протянул ей руку. – Нужно обработать раны и перевязать, чтобы не остались шрамы, – он сжал её руку в своей ладони и потянул в дом.

Спирт принёс новую боль. Фелиция зажмурилась. Тони улыбнулся, разглядывая её ноги.

– Ты когда-нибудь занималась этим?

– Что?

– Не глупи. Ты приехала с одним из этих музыкантов. Думаешь, я не знаю, что представляют собой такие певички, как ты?

– Да как ты... – Фелиция снова зажмурилась. Спирт обжёг новую рану. – Твои родители тоже так думают? – спросила она. – Твои родители думают, что я такая же, как и те... – Фелиция замаялась, не в силах подобрать нужных слов.

– Певички? – помог ей Тони.

Фелиция кивнула.

– А разве это не так?

– Нет.

– Докажи.

– Доказать? Как я тебе докажу?! – Фелиция почувство-

вала, как щёки снова начинают краснеть. Она решительно одёрнула юбку и поднялась на ноги. – Дай мне бинты, Тони.

– Не обижайся.

– Дай мне бинты! – крикнула она, вспомнила, что рядом спят миссис и мистер Хайнц и смущённо поджала губы.

– Обещаешь, что не будешь обижаться?

– Обещаю, – сдалась Фелиция.

Она вышла на улицу и направилась в свою комнату. Одна из девушек, за которыми подглядывала Фелиция, стояла, прижавшись спиной к закрытой двери номера, и курила. Фелиция прошла мимо, опустив голову.

Ночью ей приснился патефон и Джо-Джон-Джейк. Он сидел на кровати, а она пела для него, щеголяя обнажённой грудью. Самодовольная улыбка играла на его губах. Фелиция легла под него, чувствуя запах бренди и табака. Ни на одно мгновение она не усомнилась в том, что делает. Стыд и отвращение пришли лишь утром, когда сон отступил, вернув её в реальность.

– Всё ещё дуешься на меня? – спросил Тони.

– Не на тебя, – призналась Фелиция.

Он рассмеялся и отпустил какую-то шутку. Она улыбнулась.

– Здесь есть озеро, – осторожно предложил Тони.

Фелиция смерила его внимательным взглядом и согласно кивнула. Вода была тёплой и Фелиция хотела искупаться.

– Отвернись, – попросила она, стягивая платье. Белый пе-

ньюар скрывал почти всё тело.

Фелиция вошла в воду и, обернувшись, позвала Тони.

– А ты хорошо плаваешь! – похвалил он.

Они заплыли почти на середину озера. Фелиция снова вспомнила свой сон. Яркое солнце и хорошее настроение разрушили пелену страха и отвращения, пережитых утром. Фелиция вспомнила девушку, которую видела в прошлую ночь. Опять вспомнила свой сон и подумала, что со стороны это выглядит совершенно иначе, чем снизу. Она подняла голову и посмотрела на далёкий берег. Мышцы устали, принося странное тепло.

– Тони! – позвала Фелиция, испугавшись, что не доплывёт. – Тони, кажется, у меня кончаются силы!

– Не бойся, – голос его прозвучал совсем рядом, вернув уверенность.

Фелиция выбралась на берег и, тяжело дыша, повалилась на траву. Тони лёг рядом, бесстыдно разглядывая полные груди под намокшей тканью.

– Ты такая красивая, – сказал он, наклоняясь, чтобы поцеловать её.

Фелиция улыбнулась, не открывая глаз. Дыхание Тони было свежим, а губы мягкими. Фелиция попыталась сравнить этот поцелуй с тем, который видела в прошлую ночь.

– Давай ещё раз, – предложила она.

Новые чувства понравились ей. Почему же в прошлый раз всё было иначе? Может быть, виной всему был не поцелуй?

– Тони?

– Да?

– Помнишь, ты спрашивал меня, занималась ли я этим?

– Ну?

– А ты? Ты это уже делал?

– Конечно.

– И с кем? – она ответила на его поцелуй, чувствуя, что с каждым разом начинает получаться всё лучше и лучше.

– Была здесь как-то одинокая певичка, – Тони положил руку на её грудь.

– И как?

– Хочешь попробовать?

– Я не знаю, – Фелиция почувствовала, как Тони развязывает её пеньюар. Вспомнила свой сон, как пела с обнажённой грудью. – А та певичка... – осторожно начала она. – У неё был хороший голос?

– Не знаю, – он освободил её грудь и теперь любовался, щурясь от яркого солнца.

– Вот у меня хороший голос, – сказала Фелиция.

– И что? – Тони улыбнулся. – У меня тоже хороший голос, – он загорланил какую-то песню.

Этот поступок вернул Фелиции отвращение, которое она чувствовала в это утро, вспоминая свой сон. Что она делает? Почему уступает этому мальчишке? Ради чего?

– Отойди от меня! – закричала она, спешно прикрывая грудь.

– Ты чего? – опешил Тони. Фелиция поднялась на ноги и надела платье.

Назад они шли молча. Постояльцы, за которыми наблюдала Фелиция, съехали, и она пошла убирать их номер. Запах бренди и табака выветрился, но от простыней пахло потом и бурной ночью.

– Мерзость, – скривилась Фелиция.

Она отнесла постельное белье в прачечную и бросила в тёплую воду. Где-то в груди снова заклокотало отвращение. Руки уже привыкли к хлорке, но как долго она собирается заниматься этим?

Фелиция попыталась вспомнить песню, которую подслушала в прошлую ночь. Спев первый куплет, она сравнила свой голос с голосом девушки. В памяти всплыл поцелуй. Страстный и нежный. Затем кровать. Всплески золотистых локонов на подушке. Согнутые в коленях ноги.

– Тебе помочь? – предложил Тони, заглянув в прачечную.

Фелиция не ответила, вспоминая, как он разглядывал её грудь. Чем он был лучше Джо-Джона-Джейка?

Следом за Тони вошла его мать и скрипучим голосом пожаловалась, что у неё болит спина. Старик управляющий уехал за продуктами, взяв с собой Тони, и Фелиция осталась за главного. Она сидела на скамейке, запрокинув голову, подставляя солнцу лицо. Блестя и переливаясь в его лучах, подъехал новенький «Линкольн». Одёрнув подол платья, Фелиция пошла встречать нового постояльца. Он был

молод и просто сверкал каким-то лоском. Его французский акцент подкупал. Фелиция смотрела, как он идёт в свой номер, а в голове кружила лишь одна мысль: «Он едет в Чикаго! В Чикаго! В Чикаго!» Дождавшись вечера, она зашла к нему. Как его звали? Жак? Жан? Жульен?

Почему с годами ей всё сложнее вспоминать эти имена?

– Так ты хочешь стать певицей? – спросил он. Фелиция смутилась и кивнула. – Это не так просто, как кажется.

– У меня хороший голос.

– У многих хороший голос, – он смерил её серьёзным взглядом и неожиданно предложил поехать с ним.

– С тобой? – Фелиция вспомнила Джо-Джона-Джейка.

– Что-то не так?

– Да был тут один... – она замялась, но её новый друг понял всё без слов.

– Не бойся. Я ничего не потребую с тебя за проезд.

Глава двенадцатая

Тридцать долларов, заплаченные Хайнцем в качестве расчёта, почти закончились, но Фелиция так и не смогла найти работу. Комната, которую она сняла, была маленькой и пахла углём и плесенью. Два долгих месяца она ходила по театрам, ре сторанам и барам, ища работу, но везде получала отказ. Иногда снисходительный, иногда грубый и уничижительный, но зачастую это были сухие, ничего не выражавшие фразы.

– Начните с чего-нибудь попроще, – предложил один управляющий в дешёвом баре, прочувствовав всё то отчаяние, которое исходило от неё.

– Проще? – она недоверчиво посмотрела на него.

– Вы могли бы мыть посуду, или... – он сокрушённо вздохнул и развёл руками.

Фелиция поблагодарила его и ушла. «Почему они просто говорят «нет», и не дают мне шанс продемонстрировать свой голос?» – думала она. Какой-то агент, потребовал с неё сто долларов за свои услуги.

– Сто долларов?! – возмутилась Фелиция.

Вспоминая Хайнцев, она думала, что у них было не так и плохо. Или в родном городе. Хайфилдс снился ей, представляясь чем-то милым и до боли приветливым на фоне безразличного Чикаго. Фелиция смотрела на тех, кем хотела стать

и думала, что никогда не сможет быть похожей на них. Манера держаться, наряды – всё это было чем-то недоступным и заоблачным. У неё никогда не будет достаточно денег, чтобы купить себе такую одежду. Можно лишь сесть в вагон и отправиться домой.

– Мы можем взять вас посудомойкой, – сказал седеющий управляющий, когда денег осталось на последний обед.

Фелиция спросила, сколько ей будут платить. Посчитала, что за вычетом расходов, ей потребуется четыре месяца, чтобы заработать на билет домой и безрадостно согласилась.

– Мисс Раймонд! – представительно звал её шеф-повар, щеголяя своим итальянским акцентом, а затем, словно издаваясь, велел подмести, подать кастрюлю, помыть посуду, убрать со столов. Фелиция исполняла всё, не поднимая глаз. В старом платье, с невзрачным лицом, увядшим от неудач. Никто не замечал её. Безликая и бесполоя.

В какой-то момент она даже забыла, кто она. Фелиция Раймонд. Это было всё. Остальное осталось где-то в прошлом. Даже музыка, которая раньше заставляла сердце биться сильнее, прекратила своё существование, стала разбросанным набором нот.

Пару раз кто-то из нанятых управляющим грузчиков отпускал в её адрес скабрёзные шутки. Один из них даже как-то предложил ей встретиться, но Фелиция сочла это за очередную шутку. В день, когда заработанных денег хватило на билет домой, Фелиция подошла к зеркалу и подумала, что не

может вернуться в родной город в таком виде. В свои восемнадцать она выглядела лет на тридцать. Единственное платье потёрлось, а зимняя одежда пришлось бы впору любому бездомному.

«Придётся остаться до весны», – решила Фелиция, прошла по магазинам и купила новое платье. Как только покупка была сделана, и наступило утро следующего дня, осознание верности принятого решения заметно пошатнулось. Фелиция расплакалась, не переставая мыть грязную посуду, но никто этого не заметил. Грузчики затеяли какой-то бестолковый спор, и проигравший, под гогот друзей, подошёл к ней и предложил поужинать. Фелиция отказалась.

– Чёртова замарашка! – проворчал грузчик.

Фелиция мысленно послала его к чёрту, но на следующий день пришла в новом платье. Поступок не закончился ничем хорошим, лишь на дешёвой ткани появились два жирных пятна.

«Может быть, поискать другую работу?» – подумала Фелиция, но после предыдущих поисков желания снова бросаться во все тяжкие не было. Она вспомнила дом и решила, что в следующий раз точно уедет. Желание вернуться к родителям стало ещё больше, когда бар, в котором она работала, закрылся, вынуждая снова искать работу. Шеф-повар смеялся и самоуверенно рассказывал о том, что его ждёт новое место. Слушая его весёлый голос с итальянским акцентом, Фелиция долго не решалась подойти и попросить его

подыскать что-нибудь и для неё.

– А, мисс Раймонд! – расплылся он, награждая Фелицию снисходительным взглядом.

Опустив голову, она скороговоркой выпалила свою просьбу.

– Ну, не знаю. Не знаю, – проворковал он, потешаясь над её смущением. – Снова желаете мыть за мной посуду?

– А это возможно?

– Может быть, – продолжая смеяться, он похлопал её по плечу и дал адрес нового бара. – Зайдёшь туда через неделю. Спросишь Марио.

Фелиция поблагодарила его и ушла домой, получив расчёт. В овощной лавке она познакомилась с каким-то невзрачным парнем, но не решилась прийти на назначенное им свидание. Закрывшись в своей комнате, она проверила, не пропал ли у неё голос после недавней простуды, однако соседи быстро урезонили этот порыв.

– Извините, – буркнула Фелиция и легла в кровать.

Кажется, тогда и появился Персибал, на вторую или третью неделю её работы в новом баре. Сейчас она уже не помнила точно. Высокий чернокожий музыкант с божественными пальцами и глубоким, вечно охрипшим голосом. Фелиция влюбилась в него с первых аккордов. На кухне было жарко, и за звоном посуды мотив песни был почти не слышен, но когда она вышла, чтобы убрать со столов, мир словно перестал существовать для неё.

В клубах синего сигаретного дыма, под нескончаемый гомон голосов, Персибал играл на пианино, закрыв глаза, заставляя свой голос сливаться воедино с музыкой, продлевая мелодию струнного инструмента. Сам мотив и то, как это исполнялось, позволило Фелиции забыть обо всём. Ничего не осталось. Лишь музыка и льющаяся песня. Все мечты, все надежды и желания вспыхнули с невероятной силой. Неудачи отступили, забылись. С открытым от изумления ртом, Фелиция смотрела то на пальцы, то на полные губы, за которыми сверкали кристально белые зубы Персибала. Сердце замерло от восторга. На глаза навернулись слёзы. Фелиция и не помнила, когда в последнее время ей было так хорошо и легко. Закрыв глаза, она позволила мотиву подхватить себя и унести в чарующую страну счастья и музыки. Хотелось запомнить эту песню. Выучить её. А потом, когда ночь будет слишком тёмной и холодной, вспоминать её, напоминая себе, что в жизни есть и более важные вещи, чем отчаяние и нужда.

Персибал вздрогнул и, открыв глаза, попытался отыскать в толпе женщину, чей голос так внезапно вклинился в его песню. Увидев Фелицию, он улыбнулся. Посетители, решив, что это запланированная шутка, весело загоготали. Фелиция очнулась от своего волшебного сна, густо покраснела и убежала на кухню. Там и отыскал её Персибал, закончив выступление.

– Простите, – прошептала Фелиция, боясь, что её сейчас

отчитают. – Я не хотела. Я...

– Мне понравилось, – Персибал широко улыбнулся, снова демонстрируя безупречные зубы.

– Понравилось? – Фелиция, закусив губу, ожидая, что сейчас последует грубая и непристойная шутка.

– У тебя очень хороший голос, – огорошил её Персибал. Рот Фелиции снова открылся. Она смотрела в его жёлто-карие глаза и не знала, что сказать.

– Когда ты закончишь работать? – спросил Персибал, подходя ближе.

Фелиция запрокинула голову и глуповато моргнула.

– Думаю, мы могли бы попробовать петь вместе, – напрямую предложил Персибал. Достал из кармана часы и тяжело вздохнул. – Завтра, за два часа до открытия, – он посмотрел на шеф-повара. – Думаю, я смогу договориться с управляющим, чтобы дал нам возможность потренироваться.

Шеф-повар презрительно хмыкнул, но Персибал не обратил на него внимания.

– И ещё одно...

– Да?

– У тебя есть имя?

– Фелиция.

– Так вот, Фелиция. Завтра, когда ты придёшь, постарайся надеть что-нибудь более пристойное, чем этот передник. – Он ушёл, оставив волнение и бессонницу.

Фелиция лежала в кровати и пыталась прогнать тревогу и

страх. Персибал ждал её в шесть. Сидел за пианино и подбирал аккорды для новой песни. Он увидел Фелицию, смерил оценивающим взглядом и поманил к себе.

– Это твоё лучшее платье?

– Единственное, – Фелиция нервно заломила руки.

Персибал о чём-то подумал и согласно кивнул. Он показал ей текст песни и наиграл мотив. Управляющий прошёл мимо и недовольно хмыкнул. Шеф-повар уселся за ближайшим к сцене столом и, скрестив на груди руки, ждал. Кусая губы, Фелиция искоса поглядывала на Персибала.

– Ну, ты готова? – спросил он и, проиграв вступление, показал, где начинать.

Фелиция кивнула, но когда наступило время петь, не смогла попасть в ритм. Шеф-повар ехидно рассмеялся. Фелиция покраснела и с трудом сдержала желание убежать на кухню и, включив холодную воду, забыть обо всём, отдав всю себя ненавистному мытью посуды.

– Ничего страшного, – успокоил её Персибал.

Он снова проиграл начало, но на этот раз помог Фелиции не пропустить вступление, своим голосом. Она покраснела, но то, как зазвучал их дуэт, вселил уверенность и помог отвлечься.

На восьмой попытке их голоса звучали так слаженно, словно они пели не один год вместе. Даже вечно недовольный управляющий вышел и как-то странно наблюдал за этим чёрно-белым дуэтом.

– Цветной и замарашка! – недовольно буркнул шеф-повар, разочарованный, что не удалось позлорадствовать.

Фелиция посмотрела на Персибала, но он не придал этому значения.

– Чикаго большой город, – сказал Персибал, когда утром они вышли из бара.

Фелиция спела с ним три песни, а после ушла работать на кухню. Судя по аплодисментам, первое появление на сцене удалось на славу. Теперь за оставшееся до следующего выступления время ей нужно выучить ещё десяток текстов. Она шла, думая только о том, чтобы память не подвела её. За час до следующего выступления управляющий отвёл её в сторону и протянул небольшой свёрток.

– Что это? – спросила Фелиция, развернула упаковку и ахнула, увидев новое платье.

– Вычту из твоего нового заработка, – сказал управляющий, урезонив её благодарный порыв. – И вымой волосы, никто не хочет слушать грязную, каким бы хорошим ни был её голос.

Глава тринадцатая

За неделю Фелиция заработала на билет домой и на кое-какую одежду. На кухне она больше не работала, и управляющий нанял другую девушку.

Мечты сбывались. Не об этом ли она мечтала, когда строила планы, как попадёт в Чикаго? Даже публика, которая приходила в тихий бар, в основном, потому что здесь можно было купить столь дефицитное спиртное, начинала прислушиваться к застенчивой светловолосой девушке, голос которой идеально дополнял голос чернокожего пианиста. Дважды ей назначали свидание, но Фелиция, заливаясь краской, отказывала.

В какой-то момент ей показалось, что так будет всегда: мечта сбылась, и ничто не прервёт её полет, но на восьмой день Персибал сказал, что это его последнее выступление и весь хороший настрой испарился, словно его и не было. Фелиция пела, стараясь не думать о том, что ждёт её на следующий день, и голос её звучал как никогда хорошо. – Ты можешь поехать со мной, – предложил Персибал, по обыкновению опуская ненужные вступления.

– С тобой? – Фелиция посмотрела на него и тяжело вздохнула. – А куда ты едешь? – спросила она, пытаясь выиграть время.

– Слышала о баре «Ночной джаз»?

– Так ты остаёшься в Чикаго?!

– Думаю, мы могли бы петь там вдвоём. Зрителям нравится, да и твой голос словно специально создан для моих песен.

– Ты лжёшь! – Фелиция рассмеялась, но беззаботность выглядела слишком наигранной.

– У тебя будет время, чтобы подумать, – сказал Персибал. – Завтра я уеду из города на две недели, а когда вернусь, то можно будет попробовать предложить наши голоса в «Ночном джазе». Где ты живёшь?

– Я?

– Я приду, как только вернусь в Чикаго.

Они расстались в приподнятом настроении, отпуская какие-то шутки о публике и фальшивых нотах.

Фелиция вернулась домой, продолжая улыбаться. «А что если он не вернётся?» – мелькнула у неё в голове шальная мысль. Страх почти остановил сердце. Фелиция попыталась убедить себя, что теперь сможет начать сольную карьеру, но попытка эта была настолько робкой, что страха перед сгушающейся реальностью стало только больше. Фелиция посчитала оставшиеся деньги и снова подумала, что сможет вернуться домой. Но разве она приехала сюда лишь для того, чтобы выступить восемь раз в маленьком прокуренном баре? Нет. Нужно пытаться продлить свои мечты.

Фелиция решила дождаться утра и сходить к управляющему бара, в котором они пели с Персибалом, и предложить свои услуги в качестве сольной певицы. Эти мысли подарили

ей пару часов спокойного сна. Фелиция проснулась и, одевшись, пошла в бар. Дорога перед входом была оцеплена, и повсюду сновали полицейские.

– Марио! – позвала Фелиция шеф-повара.

Он подошёл, награждая полицейских недовольным взглядом. Грузчики всё шли и шли, вынося из подвала ящики со спиртным. Управляющий что-то кричал, сопротивляясь аресту. Марио ворчал, рассказывая о случившемся, но Фелиция не слушала его, чувствуя, как снова рушатся мечты и надежды.

Всю последующую неделю она потратила на новые поиски работы. Карьера певицы снова стала далёкой и недоступной. Поэтому, когда наступила вторая неделя, Фелиция с замиранием сердца ждала, когда вернётся Персибал, но он не возвращался. Деньги кончались. Фелиция вздохнула и заменяла заначку, отложенную на билет. Если Персибал не вернётся, то снова придётся идти на работу посудомойкой или прачкой.

На третьей неделе Фелиция подумала, что Персибал, возможно, просто забыл о ней, приняв сомнения за отказ. Обида и злость застлали сознание. Но злилась Фелиция в основном на себя. Если бы только Персибал дал ей второй шанс! Ночи напролёт она молила Бога только об этом. Ещё один шанс! Но шанса не было. Последней надеждой был бар «Ночной джаз», о котором рассказал ей Персибал.

Надев своё лучшее платье, она пошла к управляющему

просить работу, надеясь, что там, возможно, встретит Персибала. Управляющий принял её, наградил снисходительным взглядом и сказал, что для певицы она не годится, потому что у неё нет своего репертуара, а для посудомойки – потому что слишком сильно похожа на певицу.

Продав купленные платья, Фелиция подсчитала деньги, и, решив, что как только сможет снова заработать на билет домой, сразу уедет. По сути она знала, что никуда не поедет. Желание вернуться было тем необходимым стимулом, который мог поднять опускающиеся руки.

Две долгих недели Фелиция потратила на поиски работы, и, наконец, устроилась посудомойкой в дешёвый бар в районе Линкольн-парк. Управляющего звали Джон Анхел, и он принял её на работу, взглянув лишь однажды, чтобы убедиться, что перед ним очередная замарашка, о которой нужно заботиться только в день выдачи зарплаты.

Жизнь снова превратилась в рутину. Чудный цветок расцвёл и увял. Фелиции даже началось казаться, что история с Персибалом – фантазия, сон, в реальность которого она поверила. Но однажды, как и когда-то за звоном посуды и криками шеф-повара, она услышала забытый мотив. Воображение тут же нарисовало божественные пальцы, порхающие над клавишами пианино.

– Персибал! – Фелиция выбежала из кухни.

Чувство дежа-вю защемило сердце. Черноволосый красавец был на сцене, играя, как и прежде, с закрытыми глазами.

Фелиция смотрела на него, не обращая внимания на нетерпеливые окрики шеф-повара.

– Персибал! – позвала она, когда музыка прекратилась.

Он увидел её и помахал рукой. Затем увидел её грязный передник и, сильно нахмурившись, о чём-то задумался. Встревоженный тишиной управляющий выглянул из своей каморки и спросил, что случилось.

– Всё в порядке, мистер Анхел, – заверил его Персибал.

Фелиция вздохнула и вернулась на кухню.

– Хочешь потерять работу? – прошипел шеф-повар.

Фелиция ничего не ответила. Оставалось вернуться к работе и заставить себя не слушать музыку, которая так сильно напоминает о возможности другой жизни. На какое-то время остались лишь тарелки и кастрюли.

– Фелиция? – осторожно позвал Персибал, заглянув на кухню.

Она вздрогнула, уронила тарелку, обрызгав себя горячей водой. На лице Персибала отразилась виноватая растерянность.

– Почему ты снова работаешь на кухне? – спросил он. Фелиция пожала плечами. – Хочешь снова попробовать петь дуэтом? – предложил Персибал.

– А это возможно? – Фелиция расцвела, отставив ненавистные тарелки.

Они вышли из бара вместе. Персибал договорился с управляющим, и на следующий день они уже пели под при-

стальным взглядом Анхела. Однако на этот раз мечты не кружили Фелиции голову. Она выступала, ожидая неизбежного окончания этой лучшей жизни.

– Снова уедешь? – спросила Фелиция, когда управляющий выписал им расчёт.

Персибал закурил и, став неожиданно хмурым, кивнул. Фелиция вздохнула и опустила голову.

– Так надо, – сказал Персибал.

– А я? – Фелиция покраснела. Ей представилось, как придётся снова умолять Анхела взять её посудомойкой.

– Хочешь поехать со мной? – без особого интереса спросил Персибал.

– А это возможно?

– Я собираюсь дать пару концертов в небольших городах.

И если ты согласна...

– Согласна, – заверила его без раздумий Фелиция.

Она собрала вещи и утром оставила Чикаго. Первый концерт, который они дали в крохотном городке, не принёс прибыли, но помог им лучше спеться и подружиться. В отеле, где они остановились, была одна комната, но спали они на разных кроватях. Персибал спал, а Фелиция вспоминала давнего знакомого Джо-Джона-Джейка и думала, что именно так и представляла жизнь с ним. Сколько всего прошло времени с тех пор? Она тяжело вздохнула и попыталась представить, что было бы, если она не отказала ему в тот день. Возможно, ей не пришлось бы жить у Хайнцев, не пришлось

работать посудомойкой. Она заснула, увидев сон, в котором осталась одна в незнакомом городе. Персибал уехал, и о нём напоминал лишь пыльный вихрь, оставленный стареньким «Паккардом». Фелиция вглядывалась вдаль и думала: «Что я сделала неправильно на этот раз?!»

– Эй, – Персибал разбудил её, и сказал, что им пора ехать.

Фелиция ничего не сказала ему, но тревога проникла в неё, как тушь проникает в белую бумагу. «Он ведь уже однажды ушёл, – думала она. – Что остановит его сделать это второй раз?».

Ещё один концерт в новом городе помог ненадолго отвлечься и окупил все затраты.

– Дальше будет чуть лучше, – сказал Персибал.

Фелиция осталась в номере, а он уехал, сказав, что нужно купить кое-что в дорогу. Она прождала его два часа и занервничала, что он не придёт. На третий час у Фелиции началась паника. Она вышла на улицу и долго вглядывалась в извилистую, грунтовую дорогу, уходившую вдаль.

– Кого-то ждёте? – спросил управляющий отеля.

Она окатила его гневным взглядом и отпустила какую-то скабрёзность.

– А на сцене вы такая лапочка, – покачал он головой.

Фелиция увидела «Паккард» Персибала и расплылась в довольной улыбке. Огромных усилий ей потребовалось, чтобы сначала не броситься ему на шею, а потом не отчитать за опоздание.

– Персибал, – позвала она, когда они поужинали и легли спать.

Он что-то хмыкнул сквозь сон и повернулся на спину. Фелиция замолчала, взглядываясь в его лицо. Сон снова перенёс её в незнакомый город. Нервно заламывая руки, она стояла на одинокой дороге и смотрела в пустынную даль.

– Не с той ноги встала? – пошутил утром Персибал.

Фелиция посмотрела на него и соврала, что нехорошо себя чувствует.

– Можем отменить концерт, – предложил Персибал.

– Не надо, – Фелиция собрала вещи и вышла на улицу. Солнце прогнало тяжёлые мысли и вернуло хорошее настроение. В этот вечер они пели так хорошо, словно два ангела, посланные с небес на землю самим богом, чтобы нести людям красоту. Фелиция смеялась, отвечая на шутки и комплименты. Нет. Она больше не хочет бояться и переживать. Не хочет видеть эти кошмарные сны.

– Что ты делаешь? – спросил Персибал, когда Фелиция юркнула к нему под одеяло.

Она прижалась к нему губами, вкладывая в этот поцелуй всю нежность и страсть, на которую была способна. Отыскала его руку и прижала к своей обнажённой груди, пытаюсь развеять нерешительность. Персибал не двигался, лишь осторожно отвечал на поцелуй. Повернувшись на спину, Фелиция потянула его к себе. Близость неизбежности вскружила голову. Дыхание перехватило.

– Если ты не хочешь, то... – начал Персибал, но Фелиция прервала его.

– Я хочу, – прошептала она, прижимая его к себе. – Очень хочу, просто я ещё... – она увидела, как улыбнулся Персибал, и поблагодарила его за догадливость.

Глава четырнадцатая

Ночь. Фанни останавливается и награждает Лаверна пытливым взглядом. Сколько нужно слов, чтобы рассказать историю своей жизни? Сколько нужно жизней, чтобы они сложились в одну историю?

– Презираешь меня? – спрашивает Фанни, с каким-то отрёшнённым безразличием.

– С чего бы это? – пожимает плечами Лаверн.

– Ну, как же, – она вспоминает сына. – Мои родители, например, презирают.

– Нравы меняются.

– Дожить бы до этого, – она достаёт сигарету и закуривает. – Так ты говорил, что умираешь от рака?

– В своём мире.

– Как это?

– Если бы я знал, – Лаверн замолкает, подняв голову к звёздному небу.

«Станный, очень странный мир», – думает он, прислушиваясь к далёкому голосу Фанни. Она разговаривает со своей подругой о нём. Разговаривает о человеке, которого не должно быть здесь.... Но он есть.

– Эй, – осторожно, словно боясь напугать, Фанни берет его за руку. – Майк? – она ждёт, пока он не оторвётся от созерцания звёздного неба и не посмотрит на неё. – Майра

сказала, что ты можешь остановиться у неё.

– Майра? – ему снова начинает казаться, что это всего лишь сон.

– Моя подруга. Помнишь? – зелёные глаза Фанни пытли-во вглядываются в его лицо. – Ты уверен, что с тобой всё в порядке?

– Нет, – Лаверн заставляет себя посмотреть на дом Майры. В голове мелькают странные, усталые мысли. «Сон. Сон. Всё это сон. Всего лишь сон».

– Майк, – голос Фанни выводит его из оцепенения.

Нетвёрдые ноги несут вперёд. Заспанная, не первой свежести женщина торопит его недовольным взглядом. Запах корицы и плесени вгрызается в ноздри. Кажется, ещё пахнет жареной картошкой, но Лаверн не уверен. Сейчас он уже ни в чём не уверен.

Майра проводит его в комнату, протягивает старое одеяло и сальную подушку. Тишина усиливает чувство нереальности. Майра не говорит ни слова. Её шаги кажутся лёгкими и воздушными.словно сошедший с небес ангел, она проплывает мимо него в темноту дверного проёма. Закрывает дверь.

«Это просто сон», – снова думает Лаверн, пытаясь вспомнить подробности.

Старый диван призывно раскрывает пасть, обещая сладостные грёзы. А утром вернётся боль. Мысль об этом заставляет Лаверна цепляться за эту реальность, учиться наслаждаться каждым мгновением. «Как жаль, что нельзя

остаться здесь навсегда, – думает он, засыпая. – Как жаль, что утром всё закончится, изменится, возвратит в суровой мир реальности». Но когда наступает утро, всё остаётся по-прежнему. Он сидит на кухне с Майрой и пьёт чай. Сон отступил, а ночь вернула сознанию трезвость и ясность.

– Так откуда ты? – спрашивает Майра, которой утро придало какое-то скромное очарование.

– Балтимор, – отвечает Лаверн первое, что приходит в голову.

Майра удивлённо поднимает брови, рассказывает о знакомом художнике родом из Балтимора.

– Он всё повторял, что Балтимор самый лучший город, – говорит Майра.

Её глаза тускнеют. Пелена воспоминаний бросает тень на её свежее лицо. Что-то тяжёлое и грустное. С каким-то безразличием, скорее для того, чтобы отвлечься, чем чтобы поддержать разговор, она спрашивает Лаверна, чем он собирается заняться в Чикаго и чем занимался в Балтиморе. Вопрос ставит его в тупик, заставляя говорить правду.

– Фотограф?! – оживает Майра. – Хочешь открыть здесь свой салон?

– Салон?

Новая жизнь опять начинает казаться Лаверну сном, но тяжести от восприятия странного мира нет. Ничего не меняется: формы, вкусы, запахи. С грустью и смутной надеждой Лаверн говорит, что неплохо будет найти хоть какую-нибудь

работу. Взгляд Майры становится колким и пытливым.

– А ты чем занимаешься? – спешит сменить тему разговора Лаверн.

– Да всем понемногу, – Майра улыбается. – В основном натурщица, а так, кем придётся.

– Натурщица? – Лаверн невольно вспоминает свою прежнюю работу. – Я когда-то делал подобные фотографии.

– Фотографии? – брови Майры хмурятся. – Как-то раз мне предлагали нечто подобное... – она пытливо вглядывается Лаверну в глаза. – И почему нам с Фанни всегда достаются подобные мужчины?! – её губы изгибаются в улыбке. – Хотя, так даже забавнее!

Детский задор, который звучит в её голосе, заставляет Лаверна улыбнуться вместе с ней. Страхи отходят. Он здесь, в этом мире. Среди странных людей, которые, кажется, ничуть не отличаются от тех, рядом с которыми он жил прежде.

– Думаешь, я смогу найти здесь работу? – спрашивает он, когда завтрак закончен. – Любую, лишь бы на первое время заработать себе на жизнь.

– Любую?! – Майра оживляется и долго вглядывается ему в глаза, словно ожидая подвоха. – Попробуй обратиться в газеты, – говорит она, наконец.

И вот Лаверн идёт по шумным улицам родного-чужого города. Как много он знает о фотографии, но как мало это значит в этом мире! Робость превращает его в мальчишку. Как же сильно хочется остаться здесь! Как же сильно хочет-

ся получить второй шанс. Лица, которые он видит, кажутся самыми приветливыми. Голоса – самыми милыми. Хочется объясниться в любви каждой девушке. Пожать руку каждому прохожему, назвав его лучшим другом.

– Ну, как успехи? – спрашивает вечером Майра.

– Кажется, меня берут в «Требьюн»! – говорит Лаверн с детским энтузиазмом.

Да. Он снова живёт. Снова строит планы на будущее. И снова смеётся над трудностями. Теперь нужно лишь вернуться в дом Фанни, пройти сквозь старую дверь, и, попав в свой мир, уладить пару технических вопросов. Сделать себе новые документы, сходить в библиотеку и почитать о фотографии тридцатых.

Глава пятнадцатая

Боль. Она вернулась сразу, как только Лаверн оказался в своём сером неприглядном мире. Сколько дней ему осталось здесь?

Пройдя в свою комнату, Лаверн лёг в кровать. Где-то далеко хлопнула входная дверь, оповестив о возвращении Синтаса. Скоро, очень скоро, он уйдёт отсюда навсегда. Боль и улыбка застыли на лице Лаверна, позволив забыться тихим сном. Тридцать два года он жил, не зная, насколько может быть прекрасной жизнь. Не деньги, не женщины и не слава – а просто жизнь. Жизнь в своей непорочной чистоте и невинности. Жизнь, когда можно радоваться каждому новому дню, ценить каждое мгновение.

Проснувшись утром, Лаверн ни на мгновение не усомнился в том, что мир, рассыпанный сотнями фотографий на полу комнаты, так же реален, как и тот, что окружает его сейчас. Синтас ещё спал, и Лаверн мысленно поблагодарил его за это. Общаться в этом мире ни с кем не хотелось. Да и спазмы становились настолько сильными, что приходилось ценить каждое мгновение.

Подойдя к двери, Лаверн испугался, что, открыв её, снова окажется в тридцатых годах. Грань, которую раньше перейти было так сложно, теперь казалась хрупкой и ненадёжной. Вот он смотрит на новую дверь в мир, где прожил всю жизнь,

но стоит лишь присмотреться, и дверь становится старой и грязной, дверь, ведущая в тот мир, где он прожил всего лишь пару дней. И голос. Голос Фанни. Он звучит где-то у плиты.

Лаверн поймал себя на мысли, что, несмотря на разочарование, он благодарен этой женщине, за шанс попасть в её мир.

Заставив себя слушать лишь тихий храп Синтаса, он подошёл к двери и, повернув ручку, вышел на улицу. Железный автомобильный поток девяностых показался фантастически монолитным по сравнению с тем, что он видел в тридцатых.

Лаверн шёл по тротуару, удивляясь, насколько же сильно он проникся другой жизнью. Даже в библиотеке, прикасаясь к старым газетам, он испытывал какой-то благоговейный трепет.

Цветной принтер и пара должных компьютерных программ помогли Лаверну создать себе документы. Предполагалось, что процесс займёт не более четверти часа, но Лаверн подошёл к нему с воодушевлением, словно талантливый художник к созданию своего самого выдающегося шедевра. Особенно волнительным оказался выбор имени и даты рождения.

Выкурив с десяток сигарет, Лаверн решил, что самым лучшим будет оставить всё, как есть, изменив лишь год рождения. Особенное внимание он уделил выбору бумаги, на котором будут созданы его новые документы.

Бегая по магазинам, он забыл о болезни. Она отступила,

словно испугавшись подобного напора. Он жил. Жил для того, чтобы продолжить жизнь в другом месте, другом мире. До позднего вечера он просидел в библиотеке, изучая историю фотографии. Скоро, очень скоро он оставит этот мир. Уйдёт из него навсегда.

Лаверн купил ещё одну пачку сигарет и попытался вспомнить, что ещё планировал сделать здесь. Вспомнил семью и почувствовал, как возвращаются боль и спазмы, хотя возможно, они были и прежде, просто он не замечал их. Эти воспоминания поубавили его пыл. «Но разве я могу что-то изменить? – подумал Лаверн. – Единственное, что сейчас можно, так это навестить Кипа и попрощаться».

Поймав такси, он назвал адрес, и, расплатившись, вышел на север Уолкот-авеню. Джесс встретила его гневным взглядом и потоком упрёков, которые, однако, угасли, как только на пороге появился Кип.

– И кто она? – спросила Джесс, после того, как с приветствиями было покончено. – Я её знаю? – она увидела, как Лаверн покачал головой, и гнев её вспыхнул с новой силой. – Так вот, значит, как?!

Джесс ещё что-то кричала, но Лаверн уже не слушал её. Кип переоделся, и вышел из комнаты. Ссора родителей заставила его вздрогнуть, но обещание отца сводить его на вечернюю игру «Блэк Хоукс», тут же вернули хорошее настроение.

– Мы ещё поговорим! – завершила Джесс Лаверна.

Сидя на трибунах, он смотрел на сына, и понимал, что не может ничего изменить. «Если бы получить хоть один шанс...» – убеждал он себя, но усиливающаяся боль кричала, что шанса нет. Если только остаться с семьёй и умереть у них на глазах. Но разве от этого им станет легче? Боль скручивала тело и подчиняла себе. Лаверн боролся с ней рьяней, чем местные игроки боролись с приезжей командой. Кип что-то говорил, но голос его был далёким и нереальным. Лаверн сидел, закрыв глаза, и старался ни о чём не думать.

Когда игра закончилась, и они, взяв такси, поехали домой, он едва отдавал себе отчёт в происходящем.

– Ну, как игра? – спросила Джесс, решив, очевидно, сменить тактику.

Кип пожаловался, что отец проспал всю игру, и Джесс, разгневанная подобным невниманием, завелась с новой силой. Лаверн согласился со всем, прошёл в спальню и лёг на кровать.

– Мне нужно всего лишь несколько часов, – попросил он Джесс сквозь пелену забытья.

Когда сон отступил, было уже утро. Джесс спала рядом. Её лицо было таким знакомым. Лаверн прикоснулся пальцами к её щеке, вдохнул запах её волос.

Закрыв глаза, он снова попытался заснуть. «Таблетки, – думал Лаверн. – Если начать снова принимать их, то можно будет скрыть на какое-то время болезнь. Провести с Джесс

и Кипом неделю, может быть, месяц».

Проснувшись от нового приступа, он понял, что лежит один. Джесс что-то готовила на кухне. Лаверн поднялся, стараясь не обращать внимания на боль. Нет. Он не может оставаться здесь. Не может делиться болью с близкими людьми.

– Останешься на завтрак? – примирительно спросила Джесс, словно и не было вчерашней ссоры.

– Мне нужно... – Лаверн замялся, проклиная себя за то, что оставил таблетки в квартире Синтаса. Джесс обернулась и, показав глазами на Кипа, качнула головой. – Мне нужно на работу, – нашёлся Лаверн.

Он вышел на улицу, зная, что Джесс смотрит на него из окна. Остановился возле телефона-автомата и позвонил ей, решив, что раз уж не может рассказать о болезни лицом к лицу, то сделает это по телефону.

– Джесс, я... – начал было он, но нарвавшись на новый поток нелицеприятных оскорблений, замолчал. Достав пачку сигарет, Лаверн закурил. Джесс ещё оскорбляла его и несуществующую женщину, на которую он променял свою семью. Эти слова приносили немоту и пустоту. От вчерашнего хорошего настроения не осталось и следа.

Повесив трубку, Лаверн поймал такси и поехал в квартиру Синтаса. По дороге боль, кажется, отступила, но когда он расплачивался с водителем, новый спазм подчинил себе его тело с такой силой, что он не смог устоять на ногах.

Такси уехало, но Лаверн не заметил этого. Пара ребята-

шек пробежала мимо, потешаясь над ним. «Нет. Нельзя возвращаться к Джесс», – решил для себя Лаверн. Он не сделает ей приятно, лишь принесёт страдания и боль.

Заставив себя подняться на ноги, он поплёлся к квартире Синтаса. Остановился возле двери и, обернувшись, посмотрел на оставленный за спиной город. Нет. Он не может остаться. Не может. Лаверн открыл дверь и перешагнул через порог. Прошёл в свою комнату и лёг на кровать.

Сотни фотографий, окруживших его, напомнили о возможности другой жизни. Лаверн перебирал их, стараясь ни о чём не думать, но мысли были, воспоминания, голоса. Они возникали в сознании, напоминая, что есть мир, где нет ни боли, ни отчаяния. Мир, утративший своё очарование, но оттого ставший ещё более желанным в своей естественности.

С трудом дождавшись вечера, Лаверн вышел на кухню. Дверь в Чикаго тридцатых ждала его. Проверив содержимое карманов, он убедился, что ничего не забыл. Теперь осталось сделать лишь пару шагов.

Лаверн прислушался, надеясь, что голос Фанни придаст решимости. Нет. Его встретит лишь тишина. Но и тишину можно пережить. Даже наслаждаться тишиной, если впереди ещё целая жизнь. Лаверн сделал ещё один шаг вперёд. Сердце замерло. «Где же эта волшебная перемена?» – он до боли в глазах вглядывался в новую современную дверь. Нет. Этого не может быть! Слёзы отчаяния покатались по его щекам.

Не веря в происходящее, он повернул ручку и перешагнул

через порог. Ничего. Он был в девяностых. Больной. Обес-
силенный. Лаверн запрокинул голову и с мольбой посмот-
рел на звёздное небо. Если бы он помнил хоть одну молит-
ву, то начал сейчас молиться, умолять, стоять на коленях и
просить, просить, просить.... Но он не помнил.

Глава шестнадцатая

Дни превратились в кошмарную череду безнадёжности. От мира, обещающего спасение, остались лишь фотографии. Лаверн смотрел на них, убеждая себя, что всё можно вернуть. Нужно лишь верить. Как в прошлый раз, когда Фанни уехала на месяц. Мысли об этом заставили его снова взяться за фотоаппарат. Чарующий желанный мир приоткрывал свою завесу фотокамере, но не желал показываться глазам.

В часы, когда боль становилась невыносимой, Лаверн начинал ненавидеть фотоаппарат за то, что тому позволено видеть то, что не может видеть он сам. Как-то раз ночью, в бреду, он вышел на кухню и, открыв дверь, заставил себя поверить, что снова оказался в Чикаго тридцатых. На мгновение ему показалось, что спазмы оставили его тело.

Запрокинув голову, он посмотрел на чёрное небо. Белые кудрявые облака плыли по смолянистой глади, пряча за собой жёлтую луну, скрывали её наготу, исчезая почти сразу, как только им удавалось исполнить эту роль. Вдохнув полной грудью, Лаверн закрыл глаза. Память выудила из своих закровов звук тарахтящего «Паккарда», запах жареного мяса, звон ключей, дивное далёкое пение.

– Майк, – услышал он голос Фанни. – Майк ты здесь?
Сердце бешено забилося в груди. Дыхание стало неров-

ным, хриплым. Волнение превратило ноги в непослушные ходули.

«Я здесь! Здесь! Здесь!» – хотел закричать Лаверн, но понял, что не может.

Открыв глаза, он удивился, что не видит прежнюю картину неба. Веки широко распахнуты, но вокруг темнота. Густой воздух отказывался проникать в лёгкие. Тошнота подступила к горлу. Лаверн боролся с телом, отчаянно цепляясь за остатки сознания, но тьма побеждала. Неизбежная, непобедимая. Последнее, что смог почувствовать Лаверн – боль от падения. Она проникла в него, заполнив каждую клетку, вытеснив всё, что оставалось от здравого смысла.

Дальше наступило забвение. Он плыл в его пустоте, словно ребёнок в утробе матери. Ни мыслей, ни страхов, ни печалей. Безбрежный океан бесконечности разверзся перед ним, затянув в свою пучину. Но неожиданно, где-то высоко, сквозь пелену сна и мрака, он услышал далёкий голос. Тихий и слабый, но он пошатнул монолитную гладь мрака и безмолвия, заставил её расколоться, выпустив пленника.

Лаверн слабо кашлянул и открыл глаза. Он находился в больнице. Подключённая к нему аппаратура издавала слабый монотонный писк. Капельница закачивала в вены какой-то раствор. Лаверн снова слабо кашлянул. Горькая улыбка тронула его губы. Как странно, наверное, вернуться из мира тьмы и увидеть перед собой не лицо жены, ребёнка или одного из родителей, а бледное, напуганное случившим-

ся, лицо соседа по комнате.

– Ну, и напугал же ты меня! – признался Синтас.

Лаверн еле заметно пожал плечами и шепнул одними губами:

– Извини.

Последовавшие за этим две недели он провёл в больнице. Его единственным посетителем был Синтас, в котором неожиданно проснулся хороший друг.

Он взял у врачей брошюру о паллиативном лечении и пообещал лично проследить за исполнением всех пунктов. Это рвение рассмешило Лаверна, позволив отвлечься от тягостных мыслей, но в ту же ночь сосед по палате, в которой он лежал, умер, напомнив ему о том, что скоро это случится и с ним.

Оставшись в одиночестве, Лаверн достал спрятанную пачку сигарет и закурил. Ночь была тёмной, и крохотный красный уголёк сигареты, казалось, был способен осветить всю палату. Зловещая тишина давила на уши. Одиночество и пустота стали почти материальными. Никогда прежде Лаверн не ощущал так явственно близость смерти. Она стояла возле кровати, дышала в затылок. Заботы и препараты возвращали силы, но Лаверн знал, что стоит ему уйти из больницы, стоит остаться без живительных растворов, вливаемых круглосуточно в вены, и от сил не останется и следа. Он умрёт в муках и страданиях.

Он вспомнил, как умирал мужчина на соседней кровати и

ужаснулся. Нет. Нужно уходить из больницы. Здесь они ничем не могут помочь ему. Они заставят его тело работать, выжмут из него последние силы, а потом оставят один на один с беспомощностью и безумием. Они не смогут продлить его жизнь, они лишь продлят мучения.

Лаверн заснул, надеясь, что утро развеет всё страхи и отчаяние. Но утром, когда пришёл врач, сразу же перешёл к тому, что ему, скорее всего, будет лучше, если он продолжит лечение в домашних условиях.

Собрав вещи, он отказался вызывать Синтаса, и, убеждая себя, что сил хватает для того, чтобы самостоятельно передвигаться, вышел из больницы в раннюю осень.

– Какой же ты неугомонный! – обиделся на него вечером Синтас, заставляя принять прописанные врачами таблетки.

Лаверн притворился, что выпил их, но тут же выплюнул, зайдя в туалет. «Пусть смерть будет быстрой», – думал он, закрываясь в своей комнате. Разбросанные на полу фотографии были собраны и лежали внушительной стопкой на прикроватной тумбе. «Из Синтаса получится хорошая хозяйка», – думал Лаверн, лаская пальцами шероховатую поверхность фотоаппарата. К фотографиям прикасаться не хотелось. Они были словно отвергнувшая его любовь возлюбленная, каждое упоминание о которой не принесёт ничего, кроме боли.

Лаверн заснул, мечтая о том, чтобы сны позволили ему отвлечься от безнадёжной реальности. Но сны принесли лишь

смерть. Он лежал на больничной койке и ни один мускул не подчинялся ему.

Врачи сновали между рядами уходящих вдаль кроватей и констатировали смерть одного за другим. Смерть, которая приближалась к нему. Невидимая, непостижимая. Смерть, которой невозможно ничего объяснить, невозможно дать взятку. Она не будет слушать уговоры. Не даст отсрочки. Смерть придёт за ним в тот момент, когда решит, что настало его время. Бросит его в бездну, из которой он никогда не сможет выбраться.

Лаверн проснулся, стараясь не закричать. Рвотные массы заливали мокрую подушку. Дождавшись, когда Синтас уйдёт, он прибрался в комнате и сменил постельное бельё. Эта процедура отняла у него последние силы, и остаток дня он пролежал в кровати. Вечером зашёл Синтас и заставил его поесть.

Полученное лекарство Лаверн снова выплюнул. Дождался ночи и с опаской попытался заснуть. Но в мире грёз была лишь смерть. И так день за днём. Через неделю Лаверн боялся спать. Спазмы стали частью его жизни, но это было лучше, чем отчаяние и безнадёжность во снах. В конце концов, он ещё мог следить за собой. Мог самостоятельно ходить в туалет и иногда обедал вместе с Синтасом на кухне.

Как-то ночью, когда сон схватил его крепкой хваткой, Лаверн решил вернуться к сделанным фотографиям. Ведь если сновидения не что иное, как пережитое за день, то пусть

лучше ему снится отвергнувший его мир, чем больница и смерть.

Лаверн перекладывал фотографии, и время, когда он делал их, снова и снова бегая в ателье, чтобы проявить, казалось далёким, словно прошло много лет. С какой-то нежной улыбкой он вспоминал девушку из ателье, достававшую его своими нападками, вспоминал те несколько счастливых дней, проведённых в мире прошлого.

Затем в воспоминаниях появились Джесс и Кип. Память о них была совсем далёкой, и он неосознанно считал эту жизнь чем-то завершённым, словно уже умер.

На несколько дней подобного подхода хватило на то, чтобы изгнать смерть хотя бы из снов. Лаверну показалось, что силы начали возвращаться к нему.

Но, выйдя на улицу, он понял, что это не так. Люди бежали и бежали, а он смотрел на них и завидовал белой завистью. Так он простоял около часа, а когда решил вернуться, то почувствовал небывалую слабость.

В полном отчаянии Лаверн сел на скамейку и решил дождаться Синтаса. Кажется, он даже заснул, потому что время ожидания пролетело как-то неестественно быстро. Вот он сидит и смотрит на солнце, а вот уже над его головой вечернее небо.

Опираясь на плечо Синтаса, он вернулся в дом, а ночью, во снах, снова появилась смерть. Только теперь он находился не в больнице – лежал на скамейке в парке или на шум-

ной улице, а вокруг сновали свежие, пышущие жизнью люди. Люди, у которых впереди целая жизнь. А он... Он умирал у них на глазах, молясь о том, чтобы никто из прохожих не оказался его знакомым. Такой была его мечта и надежда: умереть, не взглянув в глаза близких людей.

Но сон, казалось, решил добить его до конца. Сначала появились друзья и коллеги по работе, затем пришёл Синтас, и, наконец, Джесс и Кип.

Больше Лаверн не пытался найти спасения во снах. В каком-то отчаянном стремлении к саморазрушению он сидел ночи напролёт в кровати, надеясь, что это окончательно лишит его сил, позволив умереть тихо и безболезненно. Но боль приходила, становясь, всё сильнее. Спазмы, кашель. Он задыхался, но настырно не обращал на это внимания. Борься. Воевать с телом за право быстрой смерти.

Боясь снов, Лаверн заставил себя снова вернуться к фотографии. Синтас отнёсся к этой затее с пониманием, сказав, что если это помогает его другу отвлечься, то он покорно будет каждый день относить негативы в ателье. Так к внушительной стопке фотографий стали добавляться нераспечатанные конверты, которые каждый вечер исправно приносил Синтас. Лаверн чурался их, относясь к ним, как обиженный любовник относится к снисходительным письмам любимой девушки.

Но когда через неделю у него не хватило сил, чтобы выйти на кухню, он открыл один из конвертов. Чужой мир сно-

ва предстал перед его глазами. В памяти ожил голос Майры, редактора «Требьюн»... На одной из фотографий Лаверн увидел Фанни, и долго смотрел в зелёные глаза. Фотография была сделана одной из первых, и, увидев, что на последующих нет ничего, кроме старой мебели, он решил, что девушка, должно быть, снова уехала.

Пролежав всю ночь и весь следующий день в постели, Лаверн нашёл в себе силы к полуночи пройти на кухню. Фотоаппарат казался тяжёлым, а кнопка спуска настырно не желала нажиматься.

Потратив на эти попытки все оставшиеся силы, Лаверн упал на пол. В какой-то момент ему показалось, что смерть наконец-то сжалилась над ним и решила забрать в свой неизведанный мир, но потом он услышал, как возвращается Синтас, почувствовал руки, поднимающие его с пола.

Оказавшись в кровати, Лаверн подумал, что, возможно, уже никогда не сможет покинуть её.

Последующую неделю он пролежал, напрягая каждый мускул в борьбе за право передвижения. Синтас ухаживал за ним не хуже чем профессиональная сиделка. Он даже написал под диктовку письмо, которое Лаверн адресовал семье, поручая отправить его после своей смерти.

– Ты ещё поднимешься на ноги, вот увидишь! – обещал Синтас, но Лаверн не верил ему. Смерть скреблась в окна его жизни, стучала в двери, и скоро, очень скоро, он знал это, замки не выдержат, и всё закончится.

Лаверн вздрогнул и открыл глаза. Спал он или уже проснулся? Последнее время эта грань почти не ощущалась. Слабый далёкий голос звучал где-то за окном. Или же в его голове?

Лаверн слабо улыбнулся, решив, что это сон. Фанни пела для него. Пела, отправляя его к чёрной реке, к переправе в другой мир. «Как хорошо умереть во сне», – решил Лаверн. Тихий голос стал чуть громче. Лаверн почувствовал скрутившие тело спазмы, но велел себе не замечать их. «Это сон. Мой сон, а во сне я могу подчинить всё, что захочу», – говорил он себе, но спазмы не проходили. Боль стала невыносимой. Лаверн застонал и повернулся на бок. Нет. Это не сон. Всего лишь проклятая реальность.

Он зашёлся кашлем и заставил себя подняться. Сколько ещё сил осталось в этом теле? Ноги подогнулись, но знакомый голос придал решимости. Лаверн вышел на кухню. Голос стал громче. Голос Фанни. Голос из мира, доступ в который, казалось, ему уже закрыт.

Крупные капли пота покрыли тело Лаверна. Щурясь, он смотрел на входную дверь. Тёмная и размытая, она представлялась ему чем-то нематериальным. А что, если у него ещё есть шанс?

Сердце так бешено билось в груди, что Лаверн едва мог дышать. Он задыхался, умирал, но теперь не ждал конца. Теперь он боролся с неизбежностью, бросал ей вызов.

Вернувшись в свою комнату, он заставил себя переодеть-

ся. Голос, дающий ему силы, стих.

– Нет. Только не сейчас! – взмолился Лаверн.

Ноги подогнулись, и он упал. Непрекращающаяся боль поглотила боль от падения.

– Только не сейчас! – прошептал Лаверн.

Приступ кашля забрал последние силы. Кровавая пелена застлала мир. Но голос вернулся. Сейчас существовал лишь он и расстояние до входной двери. Всё остальное умерло. Даже тело. Лаверн не сомневался. Он был мёртв. Почти мёртв.

Осознание этого принесло такое отчаянное желание жить, что закружилась голова, и захотелось кричать. Обретя плоть, смерть подкрадывалась к нему, цепляясь костлявыми руками за пятки. «Нет!» Лаверн сжался. Голос Фанни зазвучал чуть громче. Все чувства обострились, словно за мгновение до смерти.

Поднявшись на ноги, Лаверн вышел на кухню. Вспомнил, где находится входная дверь, и пошёл в её направлении. Грудь, казалось, взорвалась изнутри.

– Ещё чуть-чуть, – приказал себе Лаверн. – Ещё один шаг.

Он упал через порог и, задыхаясь, перевернулся на спину. Чёрное ночное небо было украшено россыпью звёзд. Неужели у него получилось? Неужели он смог? Лаверн боялся думать об этом. Свежий, прохладный воздух осторожно наполнял лёгкие. Он дышал. Снова дышал!

– Майк? – позвала его Фанни, появляясь на пороге. Как же он был рад слышать её голос! – Майк, с тобой всё в по-

рядке? – она робко сделала шаг вперёд.

Лаверн поднял голову – ни боли, ни тяжести, ни отчаяния. Казалось, он может летать, и сила гравитации утратила власть над ним. Он вскочил на ноги и, зашатавшись, едва удержал равновесие. Думал ли он, что такое возможно?! Надеялся ли?

Жгучая радость сменилась диким восторгом. Он бросился к Фанни и подхватил её на руки.

– Майк! – взвизгнула она, испугавшись подобного напора. – Майк, что ты делаешь?

– Ты спасла меня! Спасла! – он понял, что плачет, но это не вызвало в нем стыда.

Он стоял на краю. Смотрел в глаза смерти. Так неужели теперь он должен стесняться слез?! Этих естественных слёз! Слёз жизни. Слёз счастья.

– Ты делаешь мне больно, Майк.

– Прости. Прости. Прости, – он опустил её на ноги и обнял. – Я почти умер. Почти умер, если бы не ты! – неизмеримая благодарность заполнила его мысли. – Фанни! – он сжал её лицо в ладонях и покрыл поцелуями. Существовал ли сейчас для него более близкий человек, чем эта женщина? Существовал ли кто-то более желанный, чем она?

– Майк! – попыталась отстраниться Фанни, когда он поцеловал её в губы. Жаркий, страстный, солёный от слёз. – Майк... – она почувствовала его тёплое дыхание. Почувствовала его безумие. – Майк, я... – Фанни, чувствовала, как

волнение подчиняет себе её разум.

– Ты спасла мне жизнь! – Лаверн снова впился поцелуем в её губы. Голова кружилась. Счастья было так много, что невозможно не делиться им с другими. – Спасла меня! – вернувшиеся силы придали небывалую решимость.

– Да что же ты делаешь?! – прошептала Фанни, уже не пытаясь сопротивляться. Напор Лаверна оказался настолько стремительным, что у неё начала кружиться голова. Что же это? Как же это?

– Люблю тебя! Люблю больше жизни!

– Нет, Майк. Нет, – Фанни с ужасом подумала, что его безумие передалось и ей.

Он хотел её. Хотел прямо здесь и сейчас. Этот странный мужчина из будущего. Эта самая большая загадка в её жизни. Его страсть, его пыл, его желание – всё это было таким ярким, таким чувственным в своём искреннем порыве, что отказ начинал казаться чем-то вроде греха. Разве может она сопротивляться этой стихии? Разве может противостоять?

Фанни снова почувствовала вкус солёных слёз на щеках Лаверна. Что больше подчиняло себе её волю: его сильные руки или эти слёзы? «Только бы никто не пошёл мимо! – подумала Фанни. – Только бы никто не увидел». Но через мгновение отступили и эти мысли.

Глава семнадцатая

Никогда прежде она не встречала человека с таким неизмеримым желанием жить. Лаверна восхищала любая мелочь, любая деталь. Казалось, рядом с ним даже самый дождливый день станет тёплым и солнечным. И этот оптимизм! Редактор «Чикаго Требьюн» Джаспер Самерсфилд особо отметил это качество, принимая его на работу.

– Вы, должно быть, очень счастливый человек, мистер Лаверн, – сказал он, пожимая ему руку.

Позже, пару дней спустя, Самерсфилд встретил его с Фанни и решил, что с такой женщиной любой мужчина лучился бы счастьем.

В баре «Гарри Дювейна», куда Лаверн отправился посмотреть на выступление Фанни, он познакомился с Терри Уикетом и, пропустив с ним пару стаканчиков кубинского рома, узнал о местных правилах и порядках. Наблюдая за ним со сцены, Фанни пытливо вглядывалась в лицо его собеседника, пытаясь определить, о ком они говорят. Решив, что раз в её сторону никто из них не смотрит, то, значит, и говорят не о ней, она успокоилась.

Но уже ночью, лёжа в одинокой кровати, вспоминая Майру и то, что Лаверн живёт в её доме, снова забеспокоилась.

Надев серый бесформенный плащ, она спустилась вниз по улице и остановилась возле дома подруги. «И что я скажу?»

– думала Фанни, вглядываясь в чёрные окна. Она простояла так около четверти часа, коря себя за влюбчивость и продолжая бороться с желанием постучать в дверь.

В субботу редактор «Требыюн» пригласил их к себе на обед, и Фанни пришлось отменить выступление. В небольшой квартире набилось так много людей, что это напомнило ей обстановку одного из «тихих» баров, где она выступала. Мужчины говорили о газетах, женщины сплетничали.

Фанни увидела пианино и оживилась, решив, что будет неплохо показать, что и она на что-то годиться, но, вспомнив, что вместо прежнего спутника Брюстера с ней сейчас Лаверн, огорчилась, что, несмотря на все таланты, он ничуть не разбирается в музыке: не играет на пианино, не пишет песен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.